

The background of the cover is a detailed illustration of a character with long, flowing white hair and a dark, spiky crown. The character has red eyes and is wearing a dark, textured garment. The lighting is dramatic, with warm, golden light highlighting the character's hair and face against a dark, smoky background with floating embers.

Alice Dark Forest
Лисенок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

AliceDark Fox

Лисенок

<https://litres.ru/74285612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вдох. Выдох. Я в нирване. Я спокойна, как слон. Бабах! Хм. Я спокойна и расслаблена. Меня ничего не тревожит. — AAA! Бабах! Я познаю дзен. Я — Будда. Я — камень. — Алиса-сан! Алиса-сан! — топот и громогласный вопль прямо в ухо. Да твою ж за ногу!

Примечания автора:

Фанфик по миру Блича. История начинается задолго до основных событий. Начинала писать еще в начале 2019 г. Остановилась на первой главе, и вот недавно нашла черновики и понеслась.

Содержание

Глава	4
Знакомство с миром	5
Глава 1	8
Глава 2. О кошмарах, лейтенантах и лисьих улыбках.	14
Глава 3. О шикае, пустых и начальниках, которых хочется прибить (вежливо)	21
Глава 4. О внутренних голосах, утренних падениях и лисьих интригах.	33
Глава 5. О первых шагах в Уэко Мундо, пустых и неожиданных союзниках.	46
Глава 6. О подземных переходах, древних артефактах и неожиданных ловушках.	55
Глава 7. О возвращении домой, горячем чае и разговорах с самим собой.	70
Глава 8. О том, как не надо проходить мимо одиннадцатого отряда	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

AliceDark Fox

Лисенок

Глава

Знакомтсво с миром

Устройство мира

Вселенная разделена на три главных слоя, и между ними поддерживается искусственный баланс душ. Если где-то убыло — где-то должно прибыть, иначе всё посыплется.

Мир живых

Обычная Земля, наше время. Большинство людей не видят духов и не подозревают о соседних мирах. Здесь обитают люди, плюс-духи (неуспокоенные души) и Пустые.

Соул Сосайети (Общество душ)

Загробный мир, куда Жнецы душ отправляют души умерших. Выглядит как феодальная Япония. Делится на Сейрейтей (район знати и Готей-13) и Руконгай (трущобы, где души живут в нищете). Не идеальный рай — здесь едят, болеют, умирают повторно и затем перерождаются в мире живых.

Уэко Мундо

Бесконечная белая пустыня под чёрной луной. Среда обитания Пустых. Никакой еды, воды и законов — только борьба и пожирание слабых.

Данг (Предвечная)

Коридор между миром живых и Обществом душ. Время внутри течёт иначе: одна минута снаружи равна неделям внутри. Используется для перемещений.

Ад

Отдельное измерение для грешников. Жнецы душ не имеют к нему доступа.

Основные расы и кто чем дышит:

Жнецы душ (Шинигами)

Армия загробного мира. Патрулируют мир живых, сражаются с Пустыми, отправляют души в Соул Сосайети. Оружие — занпакто (мечи с живым сознанием, способные трансформироваться в более мощные формы). Силы основаны на ре-ацу — духовной энергии.

Пустые

Души людей, которые после смерти не были отправлены в Соул Сосайети и со временем разложились под грузом сожалений и боли. Питаются душами живых людей и другими Пустыми. Чем больше жрут — тем сильнее и уродливее. Высшая стадия эволюции — Арранкары: Пустые, снявшие маску и получившие человеческий облик и меч, похожий на занпакто.

Квинси

Клан людей-магов, способных видеть и уничтожать Пустых с помощью луков и стрел из духовной энергии. Ключевое отличие: они не очищают души, а полностью стирают их из бытия. Это ломает баланс миров, поэтому Жнецы душ устроили им геноцид несколько сотен лет назад.

Праруки (Фуллбринтеры)

Люди со способностью управлять «душами материи». Могут превращать предметы в оружие, манипулировать поверхностями, жидкостями и так далее. Силы — наследие контакта матери с Пустыми до их рождения.

Готей-13 и власть

Вся власть в Соул Сосайети принадлежит Готей-13 — боевой организации из 13 отрядов, которую возглавляет Главнокомандующий. Отряды занимаются разными задачами: одни — боевые, другие — медицина, исследования, секретные операции, охрана тюрем. Над Готеем стоят Централ-46 (суд и парламент) и Королевская гвардия, охраняющая Короля Душ — заточенное божество, удерживающее миры от распада.

По факту это военная диктатура с жёсткими законами. Любое нарушение карается заключением или казнью.

Глава 1

День начался экстремально. Моя моська встретила с радостью с полом и не хотела с ним расставаться. Но я воспротивилась этой страстной любви и подняла свою тушку. Не заметив на полу подушку, мое лицо повторно впечаталось в пол. Восхитилась своей неуклюжестью и хмуро поплелась на кухню.

Итак. Уже с утра мое настроение успело два раза подняться и упасть ниже плинтуса — прогресс. Да уж, и почему всегда мои выходные проходят так восхитительно? Или проблема во мне? Припомнив пробуждение, убедилась, что это так.

Посмотрев на окно, поняла, что в мире не всё так плохо. По крайней мере светит солнце. А, нет, сглазила. Сверкнула молния, и в ту же секунду пошёл дождь. И почему я пошла в шинигами? Думаю, что неплохо бы заработала в роли предсказательницы-неудачницы.

Выпив воды, решила, что себя в порядок тоже нужно привести. С этой мыслью я направилась в сторону ванны. Благополучно забыв о своей неуклюжести, наступила на волосы и врезалась в дверной косяк. Зашибись.

Вдохнув свежий аромат, мои губы расплылись в блаженной улыбке идиота. Что нравится после дождя, так это свежесть и прохлада. Покрутив башкой, призадумалась, куда бы пойти. В Сейретее просто удивительная архитектура. Я бы

радостно поприветствовала того индивидуума, который это спроектировал, кувалдой. Или косой. Смотря в каком строении я бы была. Увы, данной мечте не суждено сбыться. По причине очень давней кончины этого человека? Шинигами? Хотя вполне вероятно, что он жив.

И на этой мысли споткнулась. Растянувшись на сырых плитках, бездумно уставилась в стену. Где и как произошёл сбой в программе у природы при создании меня? Сильно сомневаюсь, что ближе стоящие предметы настолько в восхищении от моей тушки, что просто не могут не встретиться с нею. Нет, я-то прекрасна, но сомневаюсь, что предметы понимают насколько. Хм. Я ещё и неадекватная.

— Алиса? Что ты делаешь?

Приподняв голову, уставилась на источник голоса. Наклонившись, диковатого вида шинигами недоуменно рассматривал мою тушку. Он реально не понимает или просто тупой?

— Восхищаюсь дивной архитектурой, а что, не заметно? — огрызаясь, резко хватаю его за руку. От неожиданности он отпрянул, в результате чего я очень быстро приняла вертикальное положение. Хорошо быть небольшого роста в некоторых моментах.

— Ты идиотка? — заорал представитель нового вида обезьян. Растатуированных и красношерстных. — А если бы я упал?

Поперхнулась от неожиданности. Он серьёзно? Я и этот

бабуин? Кто кого перетянет? Да, я слон. Скептически нас осмотрев, вынесла вердикт:

— Тебе полезно! Может, это интересное событие бы подправило твоё лицо, а то при злости оно принимает странный вид.

Смотря на стремительно багровеющее лицо невольного помощника, решила, что пора драпать. Но я не успела реализовать побег. Раздался ледяной, пробирающий до внутренних голос:

— Лейтенант Абарай, — спокойный голос вмиг отрезвил парня.

Капитан шестого отряда, Кучики Бьякуя. Очень интересный мужчина. По крайней мере, большая часть женщин Общества душ так считает. Конечно, аристократ до мозга костей. Кому не захочется определённого статуса и положения в обществе? Вот он, ходячий статус — бери не хочу. Вот только Кучики — гордая стая птиц и отмороженная на эмоции. На кого попало не смотрят. Хотя я слышала, что именно этот представитель пернатых отличился — взял в жёны руконгайскую девушку когда-то давно. Возможно, слухи.

Скользнув по мне холодным взглядом, капитан направился дальше, прихватив с собой ручного лейтенанта. Призадумалась, когда именно судьба решила меня осчастливить своим ликом, раз капитан на меня посмотрел. И плевать, что кроме презрения в этом взгляде больше ничего не было. Потом дошло, в каком виде я стою посреди улицы. Потрёпан-

ная, грязная и сто процентов лохматая.

Плюнув на всё, направилась на любимое место. Поляна, скрытая в деревьях. Рядом находилось ещё небольшое озеро. Там всегда царит полумрак, солнцу трудно пробиться через ветви деревьев. Именно в этом месте меня нашли.

Я умерла. Это осознание чётко было в моей голове. И знаете, хоть и ситуация неприятная, но умерла я смешно. В принципе, ничего неожиданного, с моей-то везучестью.

Я была русской туристкой. Приехала в Японию. Там на экскурсии по местным достопримечательностям я отделилась от группы. Меня привлекло здание. Оно только строилось, и моя любопытная тушка решила поближе посмотреть на него. Проскочив предупреждающие ограды, я остановилась возле стальной балки. И очень не вовремя организм напомнил о себе. Я чихнула. Здесь ничего сверхъестественного нет, если бы не одно но. Есть нормальные люди, которые чихают громко либо тихо. А есть я, которая чихает как припадочная, так что со стороны кажется, будто пытаюсь самоубиться. Так вот, моя многострадальная голова встретилась со стальной поверхностью балки, и в результате я оказалась на поляне.

После того как я стала шинигами, не раз задумывалась об этом. Потому что меня никто не забирал в Общество душ, так как же я оказалась здесь? Потом перестала над этим думать.

Пристроив седалище на травку, расслабилась. Как же хо-

рошо. Никуда спешить не надо. Впихнутый принудительно-добровольно отряд, состоящий из пяти шинигами, не изощряется над моими ушами своими громогласными воплями. Не нужно играть с капитаном в лишь одни ему известные игры. О, мой капитан — это просто отдельная тема. Причём исключительно в нецензурном изложении. Да, я тогда ещё не знала, какая интересная жизнь меня ждёт.

Ичимару Гин — улыбчивая сволочь. Причём его вечно приклеенная улыбка имеет тысячу значений. А при столкновении с его аурой хочется врыться в землю и прикинуться пеньком — авось пронесёт? Причём некоторые в ней распознают только опасность, а вот я исключительно седалищным нервом — кучу проблем, которые принесут капитану удовлетворение. Этот лис наслаждается своей же пакостью, устроенной для подчинённых. Причём делает он это грамотно, под видом заданий. Задания с разной степенью выполнимости. Со стороны увлекательно наблюдать, как мечутся с дико выпученными глазами шинигами. И нет, мне их не жалко.

И хорошо, что мы с ним не пересекаемся часто. И сейчас я понимаю вечно кислое лицо Киры — с таким капитаном скиснет всё, что рядом находится. Хотя периодические угрозы лейтенанта, что он заставит меня сидеть за документами, оптимизма не прибавляют. Мне даже любопытно, где и как я ему дорогу пересекла. Может, по пьяни? Или по званию мне это положено? Как-никак третий офицер.

Уйдя в дальние просторы своих воспоминаний, я не заметила, как уснула.

Глава 2. О кошмарах, лейтенантах и лисьих улыбках.

— Алиса! Алиса, вставай! Ты проспишь всё на свете!

Сознание возвращалось рывками. Сначала я подумала, что надо мной издеваются демоны. Потом — что это продолжение кошмара, где меня заставляют строевую маршировать под аккомпанемент оркестра из кото и гитар. И только когда мою голову бесцеремонно стащили с колен и тряхнули, я поняла: демоны отдыхают.

Надо мной нависало воплощение боевой раскраски и позитива. Рангику Мацумото, лейтенант десятого отряда, собственной персоной. Её грудь (кхм, бюстгальтер, кажется, сдался ещё на подходе к поляне) угрожающе нависала надо мной, а в глазах горел тот самый огонь, который обычно зажигается у людей, решивших сделать кому-то "хорошо" любой ценой.

— Ты чего орёшь? — прохрипела я, пытаюсь сообразить, где нахожусь и почему у меня затекла шея. Ах да, поляна. Озеро. Деревья. Я уснула, как суслик, утомлённый жизнью.

— Так ты же спала! На земле! — Рангику всплеснула руками, чуть не заехав мне по лбу. — Я шла мимо, смотрю — кто-то валяется. Думала, труп. А это ты! Живая!

— Обрадовалась?

— Конечно! — Она сияла так, будто выиграла джекпот в лотерее "Найди бессознательное тело". — Вставай, пойдём ко мне. Хицугая-тайчо опять на задание утащил своих подчинённых, а мне скучно. Я sake купила!

Гениальная аргументация. "Скучно" и "sake" в одном предложении — это магическая формула, способная поднять даже мёртвого. Хотя я и так уже была мертвой, так что эффект двойной.

Через полчаса я сидела в гостях у Мацумото. Её квартира напоминала поле боя: где-то валялась форма, где-то пустые бутылки, а на подоконнике сохли носки. Идеальный порядок, если ты — лейтенант с хроническим синдромом "забить".

— Держи! — Рангику сунула мне в руку чашку с sake. — Ты какая-то кислая. Что случилось?

— Упала. Утром. Раз пять. — Я сделала глоток. Обжигающая жидкость растеклась по организму, немного притупляя боль от осознания собственной никчёмности. — Потом встретила твоего красношерстного коллегу.

— Ренджи? — Рангику хрюкнула в кулак. — О, он сегодня злой ходил. Говорит, какая-то психованная чуть не сломала ему руку, когда вставала.

— Я не ломала! Я просто... использовала его как опору!

— А, — она махнула рукой, — для него это лучший комплимент. Ты ему понравилась.

Я поперхнулась sake. Судя по тому, как сильно, sake по-

пало в нос, в лёгкие и, кажется, даже в мозг.

— ЧТО?

— Ну, — Рангику мечтательно закатила глаза, — когда мужик орёт "ты идиотка", это же классика. Значит, зацепило.

Я закашлялась. Мир определённо сошёл с ума. Или это у меня крыша едет от недосыпа? Надо будет проверить эту теорию.

— Слушай, — Рангику вдруг стала серьёзной (насколько это вообще возможно для человека с такой грудью и тягой к алкоголю), — а ты чего на поляне дрыхла? От Гина пряталась?

Я замерла с чашкой у губ.

— С чего ты взяла?

— Да ладно, — она хитро прищурилась, — я же вижу. Ты когда его имя слышишь, дёргаешься, как будто тебя током бьют. Он тебя достаёт?

— Он... — я подбирала слова, — он просто странный. Улыбается постоянно. А глаза мёртвые. Как у змеи, которая притворяется удавом, чтобы тебя расслабить, а потом сожрать.

Рангику понимающе кивнула и налила нам ещё.

— Это да. Гин — тот ещё фрукт. Но знаешь, — она понизила голос до заговорщического шёпота, — я заметила кое-что.

— Что?

— Он на тебя смотрит.

Я замерла. Внутри что-то ёкнуло. И это было не саке.

— Мы все под кем-то ходим, — отмахнулась я, надеясь, что голос звучит ровно. — Он капитан, я третий офицер. Ему положено на меня смотреть. Контролировать, так сказать, качество рабов.

— Не-е-ет, — Рангику покачала головой так, что её серьёзность (и грудь) качнулись в опасном направлении. — Я про другое. Он смотрит... изучающе. Как будто ты для него загадка. Он вообще на подчинённых не смотрит. Ему плевать. А на тебя — смотрит.

Вот спасибо, Мацумото. Утешила. Теперь я буду спать с одним открытым глазом. Или вообще не спать. Потому что если Гин на меня "смотрит" — это не комплимент. Это приговор.

Мы выпили ещё. Потом ещё. Потом Рангику включила режим "старшая сестра" и начала рассказывать про Хицугаю, какой он милый, когда злится, и как она специально опаздывает на службу, чтобы видеть его покрасневшие уши.

Я слушала вполуха. Мысли крутились вокруг одного: "Гин на меня смотрит". Это плохо. Очень плохо. Когда лис смотрит на мышь, это не к добру. Если только... если только мышь не умеет кусаться.

— Эй, — Рангику ткнула меня в плечо, — ты чего загрустила? Давай лучше про мужиков поболтаем! Вот скажи, кто тебе нравится? Только честно!

Я открыла рот, чтобы сказать что-то типа "никто, я вообще завязала с мужским полом после смерти", но дверь распахнулась без стука.

На пороге стоял ОН.

Ичимару Гин. Собственной лисьей мордой. Улыбался. Широко, открыто, по-доброму. Мурашки устроили забег по позвоночнику с препятствиями.

— А я смотрю, Алиса-чан, вы тут развлекаетесь, — пропел он, войдя в комнату и совершенно не обращая внимания на то, что вломился без приглашения. — А на службу кто завтра пойдёт? Или мне заявление на увольнение писать?

Рангику поперхнулась и замахала руками:

— Ичимару-тайчо! Мы просто... отдыхаем! После трудовых будней!

— Ах, отдыхаете, — он прищурился, и его улыбка стала ещё шире. — А я-то думаю, где моя Алиса-чан пропадает. Обычно она в такое время уже под столом от страха прячется, а тут — в гостях. Прогресс.

Я сжала чашку так, что она жалобно хрустнула.

— Я вообще-то выходная сегодня.

— Выходная? — Гин изобразил удивление. — А разве я тебе не говорил? Мы сегодня работаем. Срочное задание. Очень важное. Для тебя. Лично.

Рангику смотрела на нас круглыми глазами, переводя взгляд с меня на Гина и обратно. Кажется, до неё начинало доходить, что она вляпалась в разборки, которые лучше не

трогать.

— Какое задание? — спросила я максимально спокойным голосом, хотя внутри всё кричало "БЕГИ, ДУРА, БЕГИ!".

Мужчина наклонился ко мне. Близко. Слишком близко. Его дыхание коснулось моего уха, и я перестала дышать.

— Убьёшь со мной пустого, — прошептал он. — Одного. Скучно одному. А с тобой веселее.

Он выпрямился, и его улыбка стала такой... довольной. Как у кота, который только что нашёл новую игрушку и теперь решает, когда её сломать.

Рангику открыла рот. Закрыла. Открыла снова. И выдала: — Охренеть.

Я мысленно с ней согласилась.

Внутри меня боролись два желания: залезть под стол и больше никогда не вылезать, или встать, гордо посмотреть на этого лиса и сказать "Пошли, раз надо". Я выбрала третье — просто залпом допила остатки саке, поставила чашку на стол и поднялась.

Ноги держали. Пока.

— Пойдемте, — сказала я голосом смертника, которого ведут на казнь, но которому обещали мороженое перед смертью.

Гин удовлетворённо кивнул и, прежде чем выйти, бросил взгляд на Рангику:

— Мацумото-чан, передавай привет Хицугае-тайчо. Скажи, пусть не скучает без меня.

И вышел.

Я поплелась за ним, чувствуя спиной полный сочувствия и ужаса взгляд Рангику. На прощание она шепнула:

— Если что, я тебя откопаю и саке обмою.

Утешила, блин.

Мы шли по улицам Сейрейтея. Гин впереди, я — на полшага сзади, как примерная подчинённая, которая уже мысленно прощается с жизнью. В голове крутилась одна мысль:

"Почему, ну почему я не родилась кем-то нормальным? Кошкой, например. Или деревом. Или тем пустым, которого мы сейчас пойдём убивать. Ему хотя бы повезло — его быстро прикончат. А меня этот лис будет мучить долго..."

— Алиса-чан, — вдруг позвал Гин, не оборачиваясь.

— М?

— Ты сегодня упала утром. Пять раз, да?

Я споткнулась. Прямо на ровном месте. Откуда он, чёрт возьми, знает?! Сзади послышался тихий смешок.

— Я же капитан, — мягко сказал он. — Мне положено знать про своих подчинённых всё. Даже то, как грациозно они встречаются с полом.

Я промолчала. Потому что если открою рот, оттуда вырвется такое, что меня, возможно, упекут в тюрьму за оскорбление вышестоящего чина.

А Гин, кажется, был доволен. Своей игрой. Своей игрушкой. И тем, что вечер обещал быть... интересным.

Глава 3. О шикае, пустых и начальниках, которых хочется прибить (вежливо)

Мы вышли за ворота Сейрейтея, и я в очередной раз порадовалась, что живу внутри, а не снаружи. Руконгай — место депрессивное даже по меркам мёртвых. Этот серебристо-волосый лис шёл впереди, покачиваясь, как тростинка на ветру, и делал вид, что он тут главный. Ну, он и был главный. Капитан, прости Господи.

— Далеко ещё, Ичимару-тайчо? — спросила я, заправляя за ухо длинную белую прядь. Ветра в Руконгае всегда было много, и мои волосы вечно норовили улететь в неизвестном направлении.

— Алиса-чан такая нетерпеливая, — пропел он, не оборачиваясь. Серебристые волосы шевелились на ветру, поблёскивая в тусклом свете.

Я прищурила алые глаза, всматриваясь в открывающийся пейзаж. Пустырь, воронка, запах тухлятины. Бюджетный выбор места для убийства. Этот мужчина явно выбирал локацию по принципу "чем пылее, тем лучше".

— Пустой в воронке, надо полагать?

— А ты посмотри.

Я закатила глаза, но подошла к краю. Оттуда на меня та-

рашились два жёлтых глазища. Пустой выбрался наружу — здоровенная чёрная туша, костяная маска, дыра в груди. Рядовой пустой, только пережравший местных душ. Таких я сотнями валила на тренировках.

Я обернулась к своему драгоценному капитану. Шинигами устроился на камне, скрестив руки, и смотрел с выражением «ну давай, повесели меня». Серебристая чёлка упала на глаза, улыбка растянулась до ушей. Вот же гад.

— И долго мне на это любоваться, Ичимару-тайчо?

— Алиса-чан, — он притворно вздохнул. — Это же задание. Убей пустого. Я посмотрю.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

— Вы могли бы просто чихнуть, и его бы размазало.

— Мог бы. — Улыбка стала шире. — Но так скучно. А ты у нас третья офицер. Сильная. Самая сильная третья офицер за последние лет сто, если верить документам. Вот я и хочу посмотреть.

Я скривилась. Комплимент от этого лиса — конфета с перцем. Вроде приятно, а на деле гадость. Но спорить бесполезно.

Пустой обиделся на игнор и заревел, двинувшись в мою сторону.

Я вздохнула. Даже меч вытаскивать лень.

Выдохнула.

И просто отпустила реацу.

Давление хлынуло наружу — плотное, тяжёлое, серебристо-красное, переливающееся, как расплавленный металл. Воздух вокруг зазвенел. Пустой замер на полпути. Его жёлтые глаза расширились, маска жалобно треснула, и тушу разметало чёрным пеплом раньше, чем он успел сделать второй шаг.

Я поправила воротник, стряхнула несуществующую пыль с плеча и обернулась к этому... шинигами, который уже достал меня своей лисьей мордой.

— Вы довольны, Ичимару-тайчо? Или мне ещё станцевать?

Мужчина моргнул. Впервые за всё время нашего знакомства он выглядел... удивлённым? Но удивление длилось ровно секунду, сменившись довольной улыбкой.

— Алиса-чан, ты умеешь удивлять, — пропел он, поднимаясь с камня. Серебристые волосы блеснули в свете молнии — где-то вдаль снова сверкнуло, напоминая о недавнем дожде. — Но я же просил шикай. А ты просто... подышала.

— Подышала, — согласилась я. — Вы не уточнили, каким способом убивать. Формальности соблюдены, пустой мёртв. Расходимся?

— Не совсем.

Я насторожилась. Интонация у него изменилась. Совсем чуть-чуть, но я уже научилась различать оттенки его лисьей игры.

— Ичимару-тайчо?

— Алиса-чан, — он мягко кивнул куда-то вверх, и его чёлка снова упала на глаза. — А это что?

Я подняла голову.

Небо... трескалось.

Прямо над нами, в серой пелене облаков, пошла рябь. Нет, не рябь — чёрные линии, как трещины на стекле, разбежались в разные стороны, расширяясь, ломая небосвод. Оттуда, из этих разрывов, тянуло чем-то древним и голодным.

— Ой, — сказала я.

Небо взорвалось.

Огромная чёрная дыра распахнулась прямо над нами, и из неё полезла туша. Чёрная, массивная, с длинным костяным носом и горящими красными глазами. Классический Менос Гранде.

— О, — лениво протянул этот ненормальный шинигами, поправляя рукав. — Менос. Алиса-чан, а он побольше предыдущего будет. И повеселее.

Я смотрела, как из разорванного неба лезет эта махина. Метров двадцать ростом, не меньше. Чёрное тело, белая маска с длинным носом, глаза — два кровавых фонаря. Огромные лапы упирались в края дыры, разрывая небо ещё шире.

Менос Гранде. Настоящий. Большой.

— Ичимару-тайчо, — медленно сказала я, отступая на шаг. — А это уже не учебная тревога?

— Неа. — Он даже не пошевелился. Просто стоял и смотрел со скукой. — Давай, Алиса-чан. Покажи, на что ты спо-

собна на самом деле.

Менос заревел. От этого звука у меня заложило уши, а воздух пошёл рябью. Он вывалился из дыры всей тушей, рухнув на пустырь так, что земля содрогнулась.

— Вы охренели? — выдохнула я, хватаясь за меч. — Это же Менос!

— Ну да. — Он улыбнулся ещё шире. — А ты сильная. Я же говорил. Проверим?

Я хотела сказать много тёплых слов в адрес его лисьей морды, причём с использованием богатейшего русского нецензурного лексикона, но Менос уже занёс лапу. Пришлось уворачиваться.

Лапа врезалась в землю там, где я только что стояла, оставляя трёхметровую борозду. Я перекатилась, вскочила, выхватила меч.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как сила начинает подниматься изнутри. — Смотрите, капитан. Развлекайтесь.

Я подняла клинок перед собой. Вдох. Выдох. Серебристо-красное реацу поползло по лезвию, перекинулось на руки, начало обвивать тело.

— Танцуй, — прошептала я, — Некрополь.

Сила рванула наружу. Не так, как в прошлый раз, когда я просто прихлопнула рядового — это было совсем другое. Шикай — это не просто сила, это откровение. Это когда твоя душа выворачивается наружу и надевает на тебя тот образ, в котором ей удобно сражаться.

Чёрный цвет обжёг талию, формируя корсет — тугой, идеально сидящий, глубокого чёрного цвета, без единого проблеска. Я почувствовала, как сапоги обхватывают ноги — высокие, на устойчивом каблуке, чёрные, с чёрными пряжками. Лосины заструились по ногам чёрным шёлком. От корсета, от самой его середины, рванулся вперёд шлейф — чёрный, полупрозрачный, как дым, он взметнулся за моей спиной и медленно опал, растянувшись на метр.

Волосы — и без того длинные, белоснежные — будто стали ещё гуще, тяжёлой волной упали на плечи и спину, создавая разительный контраст с чёрным костюмом. Я привычным движением убрала выбившуюся прядь за заколку — чёрный цветок, незаметный на фоне волос, но я знала, что он там.

И в руки легла коса. Тяжёлая, стальная, с матово поблёскивающим лезвием. Длинное древко из цельного металла, изогнутое лезвие, острое, как сама смерть. Никакой грации — только холодная сталь и вес.

Я подняла глаза на Меноса.

Огромный пустой смотрел на меня сверху вниз. В его красных глазах мелькнуло что-то похожее на... насмешку? Мелкая букашка вдруг обрядилась в чёрное и взяла в руки железку.

— Ну, — сказала я, перехватывая косу поудобнее. — Давай, длинноносый. Потанцуем.

Менос заревел и бросился на меня.

Я не стала уворачиваться. Вместо этого я сделала шаг вперёд, заноса косу над головой. Серебристо-красное реацу вспыхнуло вокруг лезвия, концентрируясь, сжимаясь в одну точку.

Один взмах.

Сталь рассекла воздух, и вслед за ней рванула волна — сконцентрированная, острая, как само лезвие. Серебристо-красная полоса прошила пространство, врезалась в Меноса и прошла насквозь.

Прямо по маске. Прямо по длинному носу. Ровно пополам.

Менос замер. Его глаза расширились — в последний раз. А потом огромная туша начала рассыпаться чёрным пеплом, осыпаясь на пустырь многометровым дождём.

Я опустила косу. Волна реацу ушла в небо, разгоняя облака. Шлейф медленно опал за спиной.

— Короткий танец, — прокомментировала я, глядя, как последние остатки Меноса исчезают в воздухе. — Но весёлый.

Надо мной, там, где только что зияла чёрная дыра, небо медленно затягивалось, трещины исчезали, возвращаясь к обычному серому цвету.

— Неплохо, — раздалось над ухом.

Я даже не вздрогнула. Уже привыкла.

— Ичимару-тайчо, — сказала я, не оборачиваясь, — вы опять подкрались.

— Алиса-чан такая наблюдательная, — пропел он, появляясь в поле зрения. Серебристые волосы растрепались на ветру, улыбка была шире обычного. — Одним ударом. Менос Гранде. Одним ударом.

— Ну да. — Я отряхнулась и тут же чуть не споткнулась о каблук, который только что был идеальным оружием, а в быту снова стал ловушкой. — А вы сомневались?

— Я? — Он притворно удивился. — Никогда. Я просто хотел посмотреть.

— Посмотрели?

— Вдоволь. — Он склонил голову набок, разглядывая меня. — Алиса-чан, а почему ты раньше не показывала свой шикай? Не на тренировках, не на заданиях?

— Показывала. На тренировках.

— Нет. — Он улыбнулся, но в улыбке было что-то новое. Не угроза, не насмешка, а... любопытство. Чистое, детское любопытство. — Я бы запомнил. Стальная коса. Волна реакту. Менос за секунду. Ты очень... необычная, Алиса-чан.

— Вы были заняты, Ичимару-тайчо. — Я поправила волосы, заправляя прядь за ухо. — Строили козни, улыбались, пугали Киру. У вас много дел, я не хотела отвлекать.

Он рассмеялся. В голос. Серебристые волосы затряслись от смеха.

— Ты не боишься меня, да?

— А должна? — Алые глаза встретились с его прищуром. — Вы капитан. Я офицер. Если бы вы хотели меня убить,

убили бы. А так... развлекаетесь. Я для вас как хомячок в колесе. Бегают, забавно смотреть.

— Ты очень наблюдательная.

— Я русская, Ичимару-тайчо. Выживаем за счёт наблюдательности. Удачи у меня нет, так что приходится наблюдать.

Он подошёл ближе. Я не отодвинулась.

— Обычно меня боятся, — сказал он тихо. Его волосы шевельнулись на ветру, и на мгновение мне показалось, что я вижу его глаза — настоящие, не прищуренные, а открытые. — Даже лейтенанты. А ты стоишь и дерзишь.

— Я не дерзю, Ичимару-тайчо. Я констатирую факты. Вы странный. У вас улыбка редко совпадает с глазами. Вы даёте задания, которые могли бы поручить другим, но выбираете меня. Почему?

Пауза. Ветер трепал его серебристые волосы, мои белые пряди переплетались с ними на мгновение и разлетались в стороны. Где-то наверху затягивалась последняя трещина в небе и исчезала воронка рядом.

— Потому что ты выживаешь, — наконец сказал он. — Другие бегут к лейтенанту, ноют, просят помощи. А ты просто делаешь. И не ноешь. Это... редкость.

Я хмыкнула.

— Ныть бесполезно, Ичимару-тайчо. Вы всё равно не останете. Я вас раскусила.

— Раскусила? — он снова улыбнулся, но теперь в улыбке было что-то настоящее. — И кто же я?

— Скучающий гений. Силы много, ума много, развлечений мало. Вот и мучаете подчинённых. Потому что больше нечего делать.

Тишина. Длинная. Тягучая.

А потом этот лис расхохотался. В голос. Так, что эхо пошло по пустырю, а где-то вдалеке шарахнулись птицы.

— Алиса-чан, — выдохнул он, утирая несуществующие слёзы. — Ты прелесть. Я тебя не убью. Обещаю.

— Спасибо, Ичимару-тайчо. — Я скрестила руки на груди. — Утешили. Можно я пойду отдыхать? А то этот ваш Менос мне все нервы вымотал.

— Можно. Ты заслужила. — Он развернулся и пошёл обратно. — И, Алиса-чан, завтра будет настоящее задание.

Я замерла.

— Опять пустой?

— Нет. — Он обернулся через плечо, и его улыбка стала ещё шире. Серебристые волосы блеснули в последнем луче солнца, пробившемся сквозь тучи. — Кое-что поинтереснее.

Я вздохнула и поплелась за ним. Отменила шикай. Ноги в бытовой форме заплетались, волосы лезли в лицо, подол от штанин норовил намотаться на ноги. Жить без каблучков сложно. Очень сложно.

Впереди маячила лисья спина с серебристой шевелюрой. Сзади догорали остатки Меноса — целого Меноса Гранде, которого я только что завалила одним ударом. Надо мной затянулось небо, будто и не было никакой дыры. Где-то в Сей-

рейтее Рангику наверняка уже открыла вторую бутылку саке и забыла о моём существовании.

— Ичимару-тайчо, — окликнула я.

— М?

— А можно я завтра приду в нормальной одежде? А то я сегодня уже падала пять раз из-за нее. Штанины широкие, не привыкла. Статистика портится.

Он замер. Повернулся. Посмотрел на меня с выражением абсолютного счастья.

— Алиса-чан. — Он подошёл ближе, наклонился к самому уху и прошептал: — Если ты перестанешь падать, я лишусь половины развлечений. Не лишай меня радости.

И пошёл дальше, насвистывая какую-то мелодию. Его волосы покачивались в такт шагам.

Я осталась стоять с открытым ртом.

— Вот же... — выдохнула я в пустоту, глядя на удаляющуюся лисью спину. — Лисий кусок. Чтоб тебя пустой в твоей же улыбке запутался.

А потом побежала догонять.

Потому что если не догоню, этот шинигами придумает наказание. А у Ичимару-тайчо с фантазией всё в порядке. Очень в порядке. Только что на моих глазах он превратил рядовую зачистку в битву с Меносом Гранде, который вылез из разорванного неба, просто потому что ему было скучно. На такие случае вызывается экстренный отряд.

Что там будет "завтра" — даже думать не хотелось.

— Вот же гад ползучий, — буркнула я себе под нос, догоняя серебристую шевелюру. — Убью когда-нибудь. Мысленно. Очень вежливо. В рамках субординации.

Глава 4. О внутренних голосах, утренних падениях и лисьих интригах.

Утро началось стандартно: с тихого, полного достоинства голоса в моей голове.

— Дитя моё, вы опять спите лицом в подушку. Это неэстетично.

Я зарылась лицом в подушку глубже. Наволочка была влажной от слюны — я всегда пускала слюни, когда вырубалась после дежурства. Некрополь этот факт комментировал каждый раз с таким видом, будто я оскорбила его древний род.

— Отвали, Некрополь. Ещё пять минут.

— Вы уже опаздываете. — В его голосе появилась та самая менторская интонация, от которой хотелось прибиться головой об стену. — Ваш капитан, скорее всего, уже придумал для вас очередное «интересное» задание. И, судя по моим расчётам, оно будет включать падение как минимум три раза.

— Оптимист хренов, — буркнула я в подушку.

— Я реалист, дорогая. И, прошу заметить, я до сих пор не понимаю, как при моём аристократическом происхождении мне досталась такая... — он сделал паузу, подбирая слово,

— энергичная хозяйка.

Я всё-таки разлепила глаза. В комнате было серо — свет сквозь плотные тучи пробивался с трудом. За окном моросило, и капли стекали по стеклу тонкими ручейками. Где-то вдалеке гроыхнуло — то ли гроза, то ли очередной пустой решил напомнить о себе.

— Энергичная? — переспросила я, садясь и пытаюсь распутать колтун в волосах. Белая прядь противно липла к пальцам. — Ты хотел сказать «неуклюжая»?

— Я хотел сказать, — голос Некрополя стал маслянисто-сладким, как патока, — что вы уникальны, Алиса. В том смысле, что даже моя многовековая мудрость не в силах предсказать, во что вы врежетесь в следующую секунду.

Я сползла с кровати. Ноги запутались в одеяле, и я чуть не встретилась с холодным деревянным полом. Чуть — потому что успела схватиться за тумбочку. На тумбочке жалобно звякнула кружка с остатками вчерашнего чая.

— Bravo, — прокомментировал Некрополь. — Вы использовали руку. Прогресс.

— Заткнись.

— Ни за что, дорогая. Моя задача — направлять вас. И если для этого нужно комментировать каждый ваш кульбит — я буду это делать. С чувством, с толком, с расстановкой.

Я натянула форму — чёрная ткань привычно легла на плечи, но рукав почему-то вывернулся, и пришлось переодевать заново. Некрополь вздохнул так, будто я лично предала его

род. Волосы никак не желали укладываться — белые пряди торчали в разные стороны, путались в расчёске и норовили зацепиться за все подряд.

— Знаешь, — сказала я, в очередной раз дёргая расчёску, — вчера я Меноса одним ударом завалила. А сегодня не могу волосы расчесать.

— Это потому, что Меносы не носят заколки, — фило-софски заметил Некрополь. — У них с причёсками всё просто. А ты пытаешься совместить великую силу и великую неуклюжесть. Это редкостное сочетание.

— Я не неуклюжая. Я просто... быстро двигаюсь.

— Ты двигаешься быстро только в сторону пола, дорогая. Я веду статистику.

В коридоре было сыро и пахло дождём. Где-то в соседней комнате капало — видимо, крыша в казармах третьего отря-да опять прохудилась.

— Вы забыли заколку, — заметил Некрополь.

— Где?

— На тумбочке. Там, где вы её вчера бросили, потому что «я устала, Некрополь, отвали».

— Я так не говорила.

— Вы сказали «иди ты в свой склеп». Это было почти веж-ливо. Я оценил.

Я вернулась, схватила заколку, на ощупь воткнула в воло-сы и вышла снова.

— Криво, — сказал Некрополь.

— Нормально.

— Криво. У вас левая сторона выше правой. Выглядит так, будто вы пытались заколоть волосы во время землетрясения.

— Некрополь!

— Молчу. Но имейте в виду, что, когда вы встретите своего лиса, он это заметит. Он вообще замечает всё. Это меня в нём... интригует.

Я замерла посреди коридора. Где-то в конце этажа хлопнула дверь — кто-то из офицеров уже ушёл на построение.

— Ты про Ичимару-тайчо?

— Про него самого, — голос Некрополя стал задумчивым. — Интересный тип. Улыбается, как будто знает что-то, чего не знают остальные. И волосы у него... — пауза. — Как у меня.

— Ты заметил?

— Я всё замечаю, дорогая. Это моя работа. И, скажу тебе по секрету, этот лис опаснее, чем кажется. Но ты и сама это знаешь, раз называешь его «лисыим куском» в своих мыслях.

— Я не называла!

— Алиса, я живу у тебя в голове. Ты называла. Вчера, когда он сказал про «завтрашнее задание». Ты подумала: «лисий кусок, чтоб тебя пустой в улыбке запутал». Очень красочно, кстати. Я оценил поэтичность.

Я закатила глаза и вышла на улицу.

Дождь встретил меня холодными брызгами. Воздух был

тяжёлым, пропитанным влагой и запахом мокрой земли. Где-то вдали, над Сейрейтеем, клубились тучи — серые, плотные, как вата. Я поёжилась и ускорила шаг.

Казармы третьего отряда находились недалеко, но дорога шла через небольшой парк, и плитки под ногами предательски скользили.

— Аккуратнее, — предупредил Некрополь. — Я не хочу, чтобы моя хозяйка расшибила голову по дороге на работу. Это несолидно.

— Для третьего офицера? — хмыкнула я.

— Для человека, который вчера разнесла Меноса в хлам, — поправил он. — Представь, что скажут: «Алиса-сан, героическая победительница гигантских пустых, поскользнулась на мокрой плитке». Я этого не переживу.

— Ты у меня в голове. Ты всё переживёшь.

— Это ты так думаешь.

Из-за поворота вылетел Ренджи Абарай. Буквально вылетел — он бежал так, будто за ним гнались все пустые Уэко Мундо сразу. Рыжие волосы намокли и торчали в разные стороны, форма была накинута на плечи кое-как, а на лице застыло выражение панического ужаса.

— А, это ты! — заорал он, тормознув передо мной так резко, что брызги полетели во все стороны. — Рыжая психованная!

— Сам ты рыжий! — рывкнула я в ответ, вытирая с лица воду. — Я белая!

— Неважно! — он отдышался, упёршись руками в колени.

— Ты видела моего капитана?

— Кучики-тайчо? — Я оглянулась. — Нет. А что случилось?

— Он меня опять отчитывал за опоздание, и я... ну... сбежал.

Я моргнула. Ренджи сбежал от Бьякуи? Это что-то новенькое.

— И давно бежишь? — уточнила я.

— Минут пять. — Он оглянулся по сторонам, прислушиваясь. — Думаешь, оторвался?

— Думаю, — раздался ледяной голос откуда-то сверху, — что ты опоздал на построение и теперь пытаешься скрыться от ответственности.

Мы с Ренджи одновременно подняли головы. На крыше невысокого здания стоял Бьякуя Кучики. С невозмутимым лицом, развевающимся на ветру шарфом и абсолютно убийственным выражением глаз. Дождь стекал по его волосам, но ему, кажется, было плевать.

— Ой, — сказал Ренджи. Его лицо вытянулось.

— Беги, — шепнула я.

Он побежал. Бьякуя даже не двинулся — просто исчез с крыши, и через секунду из-за угла донеслось жалобное «ай!», а потом звук падения и приглушённые извинения.

— Зрелищно, — прокомментировал Некрополь. — Ваш рыжий знакомый явно не дружит с субординацией.

— Он не мой рыжий знакомый.

— Он на вас смотрел. И не отрываясь. Даже когда боялся за свою жизнь.

— Некрополь!

— Молчу. Но имей в виду, дитя моё, ты ему нравишься. А он тебе — нет. Это забавно.

— С чего ты взял, что он мне не нравится?

— Ты назвала его «красношерстным бабуином» ранее. Я считаю, это диагноз.

Я вздохнула и пошла дальше.

Когда я добралась до казарм третьего отряда, дождь усилился. Теперь он лил не просто моросью, а вполне серьёзными струями, и я промокла до нитки. Волосы облепили лицо, форма противно липла к телу, а сапоги хлюпали при каждом шаге.

— Знаешь, — сказала я, стряхивая воду с лица, — вчера было легче. Там хотя бы не лило.

— Вчера ты Меноса убила, — напомнил Некрополь. — Сегодня ты просто мокнешь. Сравниваешь несравнимое.

Дверь казарм распахнулась. На пороге стоял Кира — лейтенант третьего отряда. Его соломенные волосы намокли и прилипли к вискам, а глаза выражали ту самую обречённость, которая, видимо, была его постоянным состоянием.

— Алиса-сан, — выдохнул он. — Ичимару-тайчо вас ждёт. И у него... — Кира сглотнул. — У него улыбка.

— У него всегда улыбка, Идзуру.

— Нет. — Кира покачал головой, и капли с его волос брызнули в стороны. — Я уже два года у него служу. Я эти улыбки различать научился. Эта — плохая. Очень плохая.

— Что значит «плохая»?

— Значит, что кому-то сегодня не повезёт. — Кира посмотрел на меня с сочувствием. — И этот кто-то, судя по всему, вы.

У меня внутри похолодело.

— Спасибо, Идзуру. Утешил.

— Всегда пожалуйста, — вздохнул он и посторонился, пропуская меня внутрь.

В коридорах казармы было тепло и сухо. Я прошла мимо нескольких шинигами, которые косились на мою мокрую форму, но ничего не говорили — в третьем отряде все давно привыкли к странностям. Дверь в кабинет капитана была приоткрыта, и оттуда доносилось тихое насвистывание.

Я глубоко вздохнула, поправила мокрые волосы и вошла.

— Ах, Алиса-чан, — раздалось из-за стола.

Гин сидел в своём обычном кресле, подперев щеку рукой, и смотрел на меня. Серебристые волосы были аккуратно убраны, форма сидела идеально, будто он вообще не выходил под дождь. На столе перед ним стояла чашка с чаем — тонкий пар поднимался над ней и таял в воздухе.

Улыбка.

Та самая.

Она была широкой, открытой, почти дружелюбной. Но

глаза — глаза оставались холодными, изучающими, как у змеи, которая прикидывается удавом, чтобы ты расслабился.

— А я уж думал, ты решила остаться под дождём, — пропел он. — Промокнуть, пострадать, покрасивее умереть от простуды. — Он обвёл взглядом мою фигуру, с которой всё ещё капала вода. — Судя по всему, первый этап прошёл успешно.

— Ичимару-тайчо. — Я поклонилась (и чуть не упала, потому что пол оказался скользким от воды, стекающей с моей формы). — Вы меня вызывали?

— Вызывал, — он помахал какой-то бумажкой. — Присядь, Алиса-чан. Ты дрожишь.

Я села на край стула. Мокрое бельё противно холодило спину.

— Выпьешь чаю? — Он подвинул чашку в мою сторону. — Согреешься.

— Спасибо, не надо.

— Ну, как хочешь. — Он убрал чашку обратно. Улыбка не дрогнула. — У меня для тебя задание. Очень интересное. — Какое?

Он протянул бумажку. Я взяла — пальцы дрожали то ли от холода, то ли от нервов. Бумага была тонкой, с официальной печатью третьего отряда.

— Сопровождение, — прочитала я вслух. — В Уэко Мундо?

— Ага. — Он кивнул, довольно сощурившись.

Я подняла глаза.

— Ичимару-тайчо, это же...

— Знаю. — Он перебил меня мягко, но непрекаемо. — Уэко Мундо. Мир пустых. Опасно. Страшно. — Он загибал пальцы. — Но ты же у меня сильная, Алиса-чан. Самая сильная третья офицер за последние лет сто.

Я промолчала.

— Я же видел, как ты справилась с тем Меносом, — продолжил он, и в его голосе проскользнуло что-то... задумчивое. — Одним ударом, Алиса-чан. Я впечатлён.

— Мне просто повезло, — сказала я.

— Повезло? — Он приподнял бровь. — Интересное слово. Обычно везение не выглядит как контролируемый выброс реакту такой мощности.

— Я не контролировала, — честно ответила я. — Просто... получилось.

— Получилось, — повторил он. — Знаешь, Алиса-чан, я много чего видел в своей жизни. Разные силы, разные техники. — Он подался вперёд. — Но такое... редкость.

Я сглотнула.

— Я сама не понимаю, как это вышло, Ичимару-тайчо. Правда.

— Я и не прошу тебя понимать, — мягко сказал Гин. — Я просто хочу посмотреть, что будет дальше.

Он поднялся. Подошёл ко мне. Близко. Слишком близко.

Я перестала дышать.

Он наклонился, и я почувствовала запах дождя и чего-то ещё — сладковатого, почти цветочного. Его волосы коснулись моего лица — серебристые, мягкие, холодные.

— Уэко Мундо, — прошептал он мне на ухо. Голос был мягким, мурлыкающим, почти ласковым. — Там много пустых. Много опасностей. Интересно, что ты там покажешь, Алиса-чан.

Он отстранился. Улыбнулся.

— Вылет завтра на рассвете. Инструкции внутри. — Он кивнул на бумажку в моих руках. — И, Алиса-чан...

— М?

— Постарайся не умереть. Ты мне нужна живой.

Он развернулся и вышел из кабинета, насвистывая ту же мелодию, что и вчера. Серебристые волосы мелькнули в дверях и исчезли.

Я осталась сидеть с бумажкой в руках. Дрожь всё не проходила.

В дверь заглянул Кира:

— Алиса-сан? Вы живы?

— Не знаю, — честно ответила я.

— Я вам сочувствую, — вздохнул он. — Он с вами долго говорил. Обычно если он говорит дольше пяти минут, значит, кому-то конец. Но вы вроде целы.

— Спасибо, Идзуру. Утешил.

— Всегда пожалуйста. — Он исчез, прикрыв дверь.

Я смотрела на бумажку. Слова расплывались перед глаза-

ми.

— Некрополь, — позвала я мысленно.

— Да, дитя моё?

— Он что-то знает? Про тот удар?

— Он знает то, что видел. — Голос Некрополя был спо-
коен. — А видел он, что его третья офицер способна на то,
чего не может большинство. Этого достаточно, чтобы заин-
тересоваться.

— И что мне делать?

— Для начала — перестать трястись. — Его голос стал
твёрже. — Ты промокла, замёрзла, напугана. Это нормаль-
но. Но завтра ты летишь в Уэко Мундо. И если ты будешь
трястись, как осиновый лист, ты там и останешься.

— Утешил, блин.

— Я не утешаю, дорогая. Я готовлю. А теперь вставай.
Иди в казарму. Переоденься. Выпей горячего. Выспись. Зав-
тра будет долгий день.

Я поднялась. Ноги слушались плохо.

— Некрополь, — спросила я уже в дверях.

— М?

— А если у меня опять это получится? Ну, как с Мено-
сом?

Тишина. На секунду мне показалось, что он не ответит.

— Тогда, — голос занпакто стал задумчивым, — тогда
хотя бы не промокнешь. В Уэко Мундо дождей не бывает.

Я фыркнула.

— Это всё, что ты можешь сказать?

— А что ты хочешь услышать? — В его голосе проскользнула ирония. — Что ты великая и могучая? Ты и сама это знаешь. Меносов валишь, от лисов бегаешь, падаешь на ровном месте. Уникальное сочетание.

Я вышла в коридор. Дождь за окном всё лил, но теперь это почему-то не казалось таким уж плохим началом дня.

— Пляши, Некрополь, — прошептала я.

— Обязательно, дорогая. Обязательно. Как только ты научишься не падать во время танца.

Глава 5. О первых шагах в Уэко Мундо, пустых и неожиданных союзниках.

Рассвет встретил меня хмурым небом и мелкой моросью. Я стояла у ворот Сейрейтея, переминаясь с ноги на ногу, и пыталась убедить себя, что это просто очередное задание.

— Вы трясётесь, — заметил Некрополь.

— Я замёрзла.

— Вы трясётесь от страха. Я чувствую. Мы же связаны, забыла?

— Связаны, — буркнула я. — И что с того?

— А то, что если ты умрёшь, умру и я. Так что будь добра, не умирай. Мой склеп ещё не готов принять меня на вечный покой.

Я фыркнула, но дрожь не прошла. Рюкзак за спиной оттягивал плечи — Кира заботливо напихал туда каких-то припасов, "чтобы не померла с голоду среди пустых". Бумажка с инструкциями лежала во внутреннем кармане, хотя я уже выучила её наизусть.

Объект сопровождения меня смущал больше всего. В бумажке значилось просто: «шинигами, особые полномочия, не задавать лишних вопросов».

— Оптимистично, — прокомментировал Некрополь.

— Заткнись. Ты — это я. Не забывай.

— Я — это ты, но умнее. И элегантнее. И вообще, если бы не я, ты бы уже трижды убилась об дверной косяк.

— Это было два раза.

— Я веду счёт с запасом.

Ворота открылись. За ними была пустота — буквально. Переход в Уэко Мундо выглядел как разрыв в реальности, тёмный и пульсирующий, будто живой. Оттуда тянуло холодом и чем-то ещё — запахом гнили? Пустоты? Я не могла определить.

— Красиво, — сказала я.

— Жутко, — поправил Некрополь. — Но красиво-жутко. Заходи. Не заставляй пустых ждать.

Я шагнула.

Уэко Мундо встретил меня тишиной и холодом.

Воздух здесь был ледяным — не таким, как в Сейрейтее, а каким-то мёртвым, будто его никогда не касалось солнце. Он обжигал лёгкие при каждом вдохе, заставлял кожу покрываться мурашками.

Я подняла голову и замерла.

Небо было чёрным. Абсолютно, беспросветно чёрным — без звёзд, без облаков, без единого просвета. И в этой черноте висела луна.

Огромная. Белая. Холодная.

Она занимала едва ли не треть неба, и от неё исходил

тот самый мертвенный свет, который окрашивал всё вокруг в призрачные тона. Свет был везде — он лился сверху, отражался от песка, проникал в каждую трещину, в каждую складку одежды.

— Красиво, — прошептала я.

— Жутко, — отозвался Некрополь. Тоже шёпотом. — Здесь всегда так. Всегда ночь. Всегда эта луна.

Я сделала шаг и чуть не увязла по щиколотку. Песок — белый, серебристый в свете луны — был сыпучим и глубоким.

— Дура, — выругалась я себе под нос и сосредоточилась.

Тонкий слой реацу скользнул по подошвам, укрепляя их, делая поверхность твёрдой. Теперь песок не проваливался — я шла по нему, будто по плотному грунту. База. Первое, чему учат на тренировках.

— Молодец, — похвалил Некрополь. — Не забыла.

— Я много чего не забываю. Только падаю.

— Это другое.

Песок под ногами хрустел, но теперь это был просто звук, а не проблема. Луна светила так ярко, что я видела каждую песчинку, каждую трещинку в скалах впереди. Но при этом мир оставался чёрно-белым — никаких красок, только серебро и тень.

Вдалеке виднелись какие-то силуэты. Чёрные на фоне чёрного неба, но подсвеченные луной — скалы? Здания? Они тянулись вверх, острые, изломанные, будто пальцы ве-

ликанов, торчащие из песка.

— Куда идти?

— По инструкции, — напомнил Некрополь. — Точка встречи.

Я достала бумажку. Пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от напряжения. Точка встречи обозначалась символом: скала в форме полумесяца.

— Полумесяц, — пробормотала я, вглядываясь в горизонт. — Под этой луной их тут, наверное, много.

— Вон та, — Некрополь мысленно указал направление. — Примерно три километра на северо-запад. Видишь грядущую?

Я присмотрелась. Там, где чёрные скалы уходили вдаль, одна из них действительно выделялась формой — изогнутая, с двумя острыми концами.

— Вижу.

— Иди. Только не пешком. Тут опасно торчать на открытом месте.

Я кивнула. Собрала реацу и рванула.

Сюнпо — это просто. Это как дышать. Мир смазывается в серую ленту, ветер бьёт в лицо, а ты летишь над песком, едва касаясь его укреплёнными подошвами.

Три километра? Пара секунд.

Я вынырнула из сунпо прямо у подножия скалы, даже не запыхавшись. Поправила волосы, оглянулась.

— Хорошо пошла, — одобрил Некрополь.

— А то.

И тут я заметила их.

Тени на горизонте. Много теней. Они двигались медленно, но неумолимо, как прилив. Лунный свет делал их ещё более жуткими — чёрные силуэты на серебристом песке, с длинными искажёнными тенями.

— Красиво идут, — заметил Некрополь. — Строем.

— Заткнись.

Я перевела взгляд на скалу.

Рядом с ней стоял человек.

Шинигами. В обычной чёрной форме, с мечом у пояса. Тёмные волосы до плеч, спокойное лицо, внимательный взгляд. Лунный свет падал на него, делая кожу почти прозрачной, но он, кажется, не замечал этого. Он стоял абсолютно неподвижно, будто часть этого пейзажа, и смотрел прямо на меня.

Он не дышал. Я всмотрелась — нет, дышал, но так редко и так спокойно, что это казалось почти неестественным.

— Укрепил подошвы, — заметил Некрополь. — Молодец. И реакту не фонит — держит под контролем. Опытный.

— Алиса-сан? — спросил человек. Голос низкий, спокойный, без тени эмоций. И при этом — странно тёплый, будто мы были знакомы сто лет.

— Я, — ответила я, подходя ближе. — А вы?

— Ваш объект сопровождения. — Он чуть склонил голову. — Можете звать меня Куренай.

— Куренай?

— Позывной. Для этого задания. В Сейрейтее меня знают под другим именем, но здесь оно не важно.

Я оглядела его внимательнее. Рядовой, судя по форме. Но стоял он... по-хозяйски. И рецу действительно держал под таким контролем, что я едва чувствовала его — только фоновое тепло, будто рядом тлеющий уголёк.

— Давно ждёте? — спросила я.

— Достаточно. — Он перевёл взгляд за мою спину. — Вы привлекли внимание. Они уже идут.

Я обернулась. Тени приближались. Теперь я видела их отчётливо — не меньше двух десятков. Мелкие, средние, и один крупный в центре. Адьюкас.

— Сколько? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Двадцать три, — спокойно ответил Куреная. — Четыре средних, один адьюкас, остальные мелочь.

Я прикинула. Мелочь — вообще не вопрос, разлетятся от одного моего рецу, если шикануть. Средние — тоже не проблема, по одному удару на каждого. Адьюкас... ну, с адьюкасом придётся повозиться, но в прошлый раз вроде справилась.

— Я могу лопнуть их рецу, — сказала я вслух. — Мелочь разлетится сразу. Средних придержу, добить по одному. Адьюкас... — я посмотрела на Куреная. — Хотите проверить, кто быстрее?

Куреная чуть приподнял бровь. Кажется, я его удивила.

— Лопнуть рецу? — переспросил он.

— Ну да. — Я пожала плечами. — Обычный выброс. Мелочь не выдерживает. Если, конечно, вы не хотите повеселиться в рукопашную. Мне без разницы.

Он смотрел на меня пару секунд. Потом улыбнулся — чуть шире, чем раньше.

— Интересно, — сказал он. — Тогда давайте так: вы лопаєте мелочь, средних берёте на себя, а адьюкас — мой. Посмотрим, кто закончит быстрее.

— Идёт. — Я уже собирала реацу. — На счёт три?

— На счёт раз, — ответил он и шагнул вперёд.

— Некрополь, — позвала я мысленно.

— Я здесь.

— Пляши.

Сила рванула наружу. Чёрный цвет обжёг талию — корсет, сапоги, лосины, шлейф. Волосы тяжёлой волной упали на плечи. Коса легла в руки — стальная, тяжёлая, живая.

И вместе с шикаем выплеснулась волна реацу. Серебристо-красное давление хлынуло во все стороны, ударило по набегающей толпе пустых.

Мелочь разлетелась пеплом мгновенно — даже не поняли, что случилось. Чёрные хлопья смешались с серебристым песком, и луна равнодушно осветила эту картину.

Средние замерли. Их маски жалобно затрещали под давлением, но устояли.

— А теперь — добиваем, — сказала я сама себе и рванула вперёд.

Сюнпо, удар, сюнпо, удар. Мир смазывался в серую ленту, пустые разлетались пеплом. Я не думала — тело работало само, наработанными за годы тренировок рефлексам.

Первый. Второй. Третий. Четвёртый.

— Слева двое, — подсказал Некрополь.

Сюнпо — удар, сюнпо — удар. Пепел.

Краем глаза я видела, как Куренай танцует вокруг адьюкаса. Тот даже удара нанести не успевал — слишком быстрым был этот странный шинигами.

Последний средний рухнул в песок, рассыпаясь прахом. Я выпрямилась, отряхивая шлейф.

Адьюкас грохнулся в тот же момент — Куренай стоял над ним, вытирая меч.

— Одновременно, — сказала я.

— Почти, — отозвался он. — Вы на секунду быстрее.

— Я старалась.

Он убрал меч в ножны. Посмотрел на меня. В лунном свете его глаза казались почти чёрными.

— Вы интересная, Алиса-сан, — сказал он. — Очень интересная.

— Это комплимент?

— Это наблюдение. — Он развернулся к скале. — Идёмте. Нужно уходить.

Я вернула обычную форму, машинально укрепив ступни, и поплелась за ним.

— Некрополь, — позвала я мысленно.

— М?

— Он странный.

— Очень странный, — согласился занпакто. — И сильный. Очень сильный. Но пока — союзник.

— А у нас есть выбор?

— Нет.

Куренай остановился у скалы и нажал на какой-то выступ. Камень бесшумно сдвинулся, открывая проход в темноту.

— Прошу, — сказал он.

Я шагнула внутрь.

Глава 6. О подземных переходах, древних артефактах и неожиданных ловушках.

Внутри было темно.

Не просто "глаза не привыкли" — темнота здесь была какой-то плотной, осязаемой, будто её специально сюда нагнетали веками. Шаг внутрь — и луна исчезла, будто её отрезали ножом. Воздух стал гуще, холоднее, и даже укреплённые реацу подошвы ступали по камню как-то иначе — глухо, осторожно, будто сам пол не доверял нам.

Я замерла на пороге, давая глазам привыкнуть. Некрополь молчал, но я чувствовала его напряжение — он сканировал пространство, и его тишина была красноречивее любых слов.

— Не бойтесь, — раздался голос Куреная откуда-то из темноты. — Здесь безопасно.

— Я не боюсь, — автоматически ответила я. — Я просто... не вижу ни черта.

— Сейчас будет свет.

Щелчок. И тьма отступила.

Мягкое, тёплое свечение разлилось по стенам. Я заморгала, привыкая, и увидела небольшие камни, разложенные в нишах. Они светились ровным золотистым светом, отбрасы-

вая длинные танцующие тени, которые шевелились на стенах, будто живые.

— Что это? — спросила я, разглядывая камни.

— Светящиеся минералы, — ответил Куренай. — В Уэко Мундо много странного. Это одно из них. Пустые не обращают на них внимания, а для нас — хороший ориентир. И не только.

— Не только?

— Они греют, — он кивнул на камни. — Положи такой в карман — и холод не так страшен.

Я огляделась.

Мы стояли в небольшом зале. Стены были гладкими — слишком гладкими для естественной пещеры. Их будто вырезали, а потом отполировали до блеска. В свете минералов камень отливал тёплым янтарём, хотя на ощупь оставался холодным.

В центре стоял грубо сколоченный стол и пара таких же стульев. Дерево — откуда здесь дерево? — было старым, потрескавшимся, но крепким. На столе стояла глиняная кружка, давно пустая, с тёмным налётом на дне.

В углу — несколько тюков, похожих на лежанки. Набитые чем-то мягким, они выглядели удивительно уютно посреди этого каменного мешка.

— Здесь еще кто-то живёт? — спросила я, проводя пальцем по столу. Пыли не было.

— Бывает, — уклончиво ответил Куренай. Он стоял у вхо-

да, прислонившись плечом к стене, и наблюдал за мной. — Те, кто приходит сюда надолго. Убежище не моё, но я знаю, где ключи.

— Убежище в Уэко Мундо? — Я присвистнула. Звук разнёсся по залу и затерялся где-то в темноте тоннелей. — Круто. Чьё?

— Не скажу, — он чуть улыбнулся. Улыбка вышла странной — не злой, не доброй, а какой-то... древней, что ли. — Не потому что тайна, а потому что сам не знаю. Оно здесь давно. Ещё до меня.

— До вас? — Я уставилась на него. — А вам сколько?

— Много, — ответил он так, будто речь шла о погоде. — Больше, чем кажется. Но меньше, чем этому убежищу. — Он кивнул на стулья. — Присаживайтесь, Алиса-сан. Обсудим дело.

Я села. Стул жалобно скрипнул, но выдержал. Некрополь в голове довольно хмыкнул — видимо, одобрял мою бдительность.

Рюкзак за спиной привычно оттягивал плечи. Я скинула его на пол — он глухо стукнулся о камень — и расстегнула. Внутри, заботливо уложенные Кирой, лежали припасы. Пять лепёшек в холщовом мешочке, две фляги с водой, вяленое мясо, пара сменных носков (Кира был предусмотрителен до смешного), небольшой нож для мелочей и даже крошечный мешочек с солью.

— Кира постарался, — прокомментировал Некрополь. —

Надо будет его потом отблагодарить. Если выживем.

— Оптимист, — мысленно фыркнула я.

Я достала флягу, открутила крышку, сделала глоток. Вода была прохладной, чуть отдавала металлом — видимо, от фляги. Но горло смочила, и ладно.

Куренай сел напротив. Своего рюкзака у него не было — только меч на поясе и небольшой поясной кошель, туго набитый чем-то, что тихо позвякивало при движении.

— Не берёте припасы? — спросила я, убирая флягу.

— Не нужны, — ответил он. — Я здесь часто бываю. Знаю, где что найти. Вода есть в нескольких местах, еда... ну, еда не всегда, но я привык.

— К пустотам привык?

— К голоду, — поправил он. — Разные вещи.

Я не стала уточнять. Что-то в его голосе подсказывало, что эта тема — закрытая.

— Ладно, — я откинулась на спинку стула. Стул снова жалобно скрипнул. — Что за задание? И почему меня? Ичи-мару-тайчо мог послать кого угодно.

Куренай помолчал. В свете минералов его лицо казалось вырезанным из камня — такие же резкие тени, такие же глубокие впадины. Глаза блестели, но в них невозможно было ничего прочесть.

— В Уэко Мундо есть места, куда пустые не ходят, — начал он. Голос низкий, ровный, без эмоций. — Не потому что боятся. Просто там... нечего есть. Пустые питаются душами,

а в этих местах душ нет. Совсем. Пустота в квадрате, если хотите.

— И что там?

— Древние руины. — Он подался вперёд, и тени на его лице изменились, сделав его почти хищным. — Ещё до того, как Уэко Мундо стало Уэко Мундо. До того, как первые пустые появились на свет. Там хранятся артефакты. Предметы, которые могут быть полезны Обществу душ.

— Какие предметы?

— Разные, — он ушёл от ответа так ловко, что я даже не сразу поняла, что он ничего не сказал. — Моё задание — найти один из них. Доставить в Сейрейтей. Всё, что вам нужно знать.

— А я?

— А вы — прикрытие. И помощь. — Он откинулся назад. — Вдвоём безопаснее. У вас хорошая репутация, Алиса-сан. Сильная, быстрая, не паникуете. Ичимару-тайчо сказал, что вы — лучший вариант.

— Ичимару-тайчо сказал? — Я не поверила своим ушам. — Он вообще способен кого-то хвалить?

— Он сказал: «Алиса-чан не ноет, держит удар и падает смешно. Для Уэко Мундо это идеальный набор». — Куренай чуть улыбнулся. — Я решил, что это комплимент.

— От него — да, — проворчала я. — Ладно. Что за артефакт? Где? Что охраняет?

— Артефакт — шкатулка. Небольшая, но тяжёлая. Где —

в паре часов хода отсюда, под землёй. Что охраняет — понятия не имею. Поэтому вы и нужны.

Я задумалась. Задание звучало... обыденно. Найти, взять, уйти. Таких у меня были десятки.

— Хорошо, — сказала я. — Когда выдвигаемся?

— Отдохнём пару часов и пойдём. — Он поднялся, бесшумно, будто не по камню шёл, а по воздуху ступал. — Я покараулю первым. Вы спите.

— А если нападут?

— Тогда разбужу раньше. — Он направился к выходу, но остановился на пороге. — Алиса-сан.

— М?

— Ваш занпакто... — он чуть повернул голову. — Он громкий. Я слышу его даже отсюда. Хорошая связь.

И вышел в тоннель.

Я моргнула.

— Некрополь?

— Что?

— Ты громкий?

— Я — элегантный аристократ, — с достоинством ответил он. — Я не громкий. Я... выразительный.

— Он сказал, что слышит тебя.

— Значит, у него хороший слух. — Пауза. — Или он намного старше, чем кажется.

— Думаешь?

— Не знаю. Но спите, Алиса. Завтра будет долгий день.

Я хотела возразить, но тело уже налилось тяжестью. Адреналин схлынул, оставив после себя только усталость.

Я достала из рюкзака одну из лепёшек, пожевала на автомате, почти не чувствуя вкуса. Потом свернулась калачиком на тюке, подложив рюкзак под голову.

— Некрополь?

— М?

— Ты правда думаешь, что он не враг?

Пауза.

— Я думаю, что он слишком стар, чтобы враждовать с такими, как мы, — ответил занпакто. — Ему нужно что-то другое. Но что — я пока не пойму.

— А если поймёшь?

— Тогда скажу. А теперь спите.

Я закрыла глаза.

— Вставайте, Алиса-сан.

Голос Куреная выдернул меня из сна. Я села рывком, рука сама метнулась к мечу. Сердце колотилось где-то в горле.

— Спокойно, — сказал он. — Всё тихо.

Я выдохнула. Сколько прошло? Час? Два? Минералы на стенах светили всё так же ровно, без намёка на угасание.

— Какой час? — спросила я хрипло.

— По сейрейтейскому — около трёх ночи. По местному — всегда полночь. — Он уже стоял у входа, готовый к выходу. — Идём?

Я поднялась, поправила форму, накинула рюкзак. Меч на поясе, фляга на месте, лепёшки — потом. Глоток воды, чтобы прогнать остатки сна.

— Готова.

— Тогда за мной.

Мы вышли в тоннель. На этот раз пошли не наружу, а глубже. Камень под ногами был неровным, но укреплённые подошвы держали хорошо. Я шла и считала шаги. Раз, два, три...

— Под землёй безопаснее, — пояснил Куренай, не оборачиваясь. — Пустые редко сюда суются. Темно, тесно, не развернуться.

— А мы?

— А мы маленькие, — услышала я усмешку в его голосе.

— Пролезем.

Тоннель вился. Местами он расширялся, и тогда мы шли по просторным залам, где эхо подхватывало каждый шорох и множило его, превращая в жуткий шёпот. Местами сужался так, что приходилось протискиваться боком, чувствуя спиной холод камня.

Минералы попадались реже. Иногда мы шли в полной темноте, и только обострённые чувства шинигами позволяли не налететь на стену. Я укрепила не только подошвы, но и ладони — на всякий случай.

— Некрополь, — позвала я мысленно. — Следи.

— Уже, — отозвался он. — Пока пусто. Но впереди... ше-

веле́ние.

— Какое?

— Живое. Много мелких.

— Твари?

— Похоже.

Я насторожилась. Прибавила шаг, поравнялась с Куренаем.

— Там впереди что-то есть, — шепнула я.

— Знаю, — ответил он так же тихо. — Ваш занпакто уже доложил?

— А вы свой не спросили?

— Мой молчит, — усмехнулся он. — Мы в ссоре.

Я не поняла, шутит он или нет, и уточнять не стала.

Тоннель расширился, превратившись в грот. И здесь я их увидела.

Твари.

Штук пятнадцать, не меньше. Размером с крупную собаку, с длинными хвостами и глазами, которые светились в темноте красным. Они сидели на стенах, свисали с потолка, копошились в куче костей в углу. Шерсть у них была белой, свалявшейся, и от них пахло — затхлостью, смертью и ещё чем-то кислым.

— Белые крысы Уэко Мундо, — шепнул Куренай. — Не спрашивайте, почему они здесь. Просто знайте — они быстрые, злые и очень голодные.

— И что мы делаем?

— Прорываемся. — Он вытащил меч. — Держитесь рядом.

Первая тварь заметила нас. Взвизгнула — пронзительно, режуще уши, — и бросилась.

Дальше было как в тумане.

Куренай рванул вперёд, и его меч описал дугу. Тварь разлетелась чёрными брызгами. Я выхватила свой меч — обычный, без шика, тут хватит — и встретила следующую.

Удар, блок, удар. Меч входил в плоть с хрустом, и твари визжали, рассыпаясь в прах. Сюпо — уйти от трёх сразу, оказаться за их спинами, рубануть.

— Слева! — крикнул Некрополь.

Я развернулась. Тварь прыгнула мне в лицо — я ушла вниз, пропуская её над головой, и рубанула снизу вверх.

Куренай работал рядом. Он двигался как тень — бесшумно, смертоносно, без лишних движений. Меч мелькал в воздухе, и твари падали одна за другой.

Через несколько минут всё кончилось.

Я стояла, и вытирала лезвие о штанину. Чёрная кровь пахла мерзко, и меня чуть не вывернуло.

— Чисто, — сказал Куренай. — Идёмте.

— Что это было? — спросила я, стараясь не дышать носом. — И главное — зачем они здесь?

— Охрана, — ответил он. — Кто-то не хочет, чтобы мы прошли. Значит, мы идём правильно.

Мы двинулись дальше.

Тоннель пошёл вверх, потом резко вниз. Воздух становился тяжелее, холод пробирал даже сквозь укреплённую реаци форму. Я достала флягу, сделала глоток. Вода кончалась — половина осталась.

— Долго ещё? — спросила я.

— Почти пришли. Ещё один зал.

Мы вышли в грот.

Он был огромным. Потолок терялся где-то в темноте, стены уходили в стороны. В центре стоял алтарь — огромный каменный блок, испещрённый письменами. На алтаре лежала шкатулка.

Небольшая. Чёрная. С серебряным узором.

— Вот оно, — выдохнул Куренай.

— Красиво, — сказала я.

— Опасно, — поправил он. — Смотрите.

Я посмотрела на пол. Перед алтарём, метра на три во все стороны, камень был расчерчен тонкими линиями. Почти незаметными — если бы не Некрополь, я бы их не увидела.

— Ловушка, — кивнула я.

— На реаци, — добавил Куренай. — Шагнёшь — рванёт.

— Как отключить?

— Ищем источник.

Мы осмотрелись. Я заметила кристалл — он тускло мерцал на стене, метрах в пяти от алтаря.

— Вон там.

— Вижу. — Куренай прищурился. — Но до него не до-

браться. Он на той стороне.

— А если...

Сзади раздался рык.

Мы обернулись.

Вход в грот перекрывала туша. Огромная. Чёрная. С длинным носом и красными глазами. Адьюкас.

Он смотрел на нас. И в его взгляде не было ничего, кроме голода.

— Вовремя, — вздохнул Куренай. Он говорил спокойно, даже лениво, но я видела, как напряглись его плечи. — Али-са-сан. Отвлекайте. Я — к кристаллу.

— Адьюкаса отвлекать? — Я усмехнулась. — Легко.

Я убрала меч в ножны. Выдохнула.

— Некрополь.

— Я здесь.

— Пляши.

Сила рванула наружу.

Чёрный цвет обжёг талию — корсет стянул тело, тугой, дышащий вместе со мной. Сапоги обхватили ноги, лосины заструились шёлком. Шлейф взметнулся за спиной и медленно опал, коснувшись пола. Волосы тяжёлой волной упали на плечи — белые, длинные, они светились в темноте.

Коса легла в руки. Стальная. Тяжёлая. Живая.

Куренай смотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — удивление? Восхищение?

— Хорошая пара, — сказал он. — Вы с ним.

— Спасибо. — Я перехватила косу. — А теперь — работаем.

Я рванула вперёд.

Адьюкас заревел, занёс лапу. Я ушла в сунпо, оказалась у его морды, рубанула косой. Не глубоко — просто чтобы привлечь внимание.

— Эй, длинноносый! — крикнула я. — Сюда смотри!

Лапа врезалась в то место, где я только что была. Я уже летела в другую сторону, уводя его от алтаря.

Краем глаза видела, как Куренай крадётся к кристаллу. Адьюкас не замечал его — я была слишком громкой, слишком яркой, слишком раздражающей.

— Давай, давай, — шептала я, уворачиваясь от очередного удара.

Адьюкас был огромным, но медленным. Я летала вокруг него, как мошка, врезала косой по маске, по лапам, по бокам. Не убивала — бесила.

— Почти! — крикнул Куренай.

Адьюкас наконец заметил его. Развернулся. Я рванула следом, врубилась в его ногу — глубоко, по-настоящему. Он взревел, забыл о Куренае, снова бросился на меня.

— Готово! — крикнул мужчина.

Поле исчезло. Я рванула к алтарю. Куренай — за мной. Адьюкас взревел и ломанулся следом.

— Беги! — крикнул Куренай, хватая шкатулку.

Я развернулась, встречая адьюкаса. Коса описала дугу —

лезвие врубилось в маску. Но не убило — только разозлило.
— На выход! — заорал Куренай.

Мы рванули в тоннель.

Монстр попытался втиснуться следом. Застрял. Камень затрещал, посыпалась крошка, но он не пролез.

Мы бежали.

Тоннели мелькали. Некрополь подсказывал дорогу, Куренай нёс шкатулку, прижимая её к груди. Сзади грохотало — адьюкас ломился, расширяя проход.

— Быстрее! — крикнула я.

— Я стараюсь!

Мы вылетели в зал с убежищем, пробежали его, выскочили наружу.

Луна. Песок. Холодный воздух.

Мы бежали по пустыне, не останавливаясь. Сюнпо, сюнпо, сюнпо. Адьюкас вырвался из скалы, мчался следом, но мы были быстрее.

Через несколько минут оторвались. Остановились за огромным барханом.

Я скинула рюкзак, достала флягу. Воды осталось на дюйм. Я выпила всё залпом, чувствуя, как живительная влага растекается по пересохшему горлу. Хорошо что есть вторая.

Куренай сидел на песке, прижимая шкатулку. Он не запыхался — только смотрел на меня.

— Есть, — сказал он.

— Что это? — спросила я, переводя дыхание.

— Потом. — Он убрал шкатулку в поясной кошель. Кошель жалобно звякнул. — На рассвете переход. Идём.

Я кивнула. Поднялась, закинула рюкзак на плечи.

— Некрополь, — позвала я мысленно.

— М?

— Устала.

— Знаю. — В его голосе было тепло. — Хорошо поработали, Алиса.

— Ты тоже.

— Я всегда, — усмехнулся он. — Я же элегантный аристократ.

Я фыркнула и пошла за Куренаем.

Луна светила нам в спину.

Глава 7. О возвращении домой, горячем чае и разговорах с самим собой.

Рассвет в Уэко Мундо — понятие условное.

Луна никуда не делась — она всё так же висела над головой, огромная и холодная, занимая треть неба. Но песок вдруг стал чуть светлее, будто кто-то невидимый прибавил яркости. Тени перестали быть такими чёрными, расползлись серыми пятнами по барханам. Воздух оставался ледяным, но в нём появилось что-то... нет, не тепло — скорее ожидание.

— Скоро переход, — сказал Куренай.

Мы сидели за барханом уже час. Я успела достать из рюкзака последнюю лепёшку, разломить её пополам и половину протянуть ему. Он взял, не споря, хотя раньше отказывался от еды.

— Спасибо, — сказал он, жуя. Лепёшка была сухой, крошилась, но он ел с таким видом, будто это был деликатес. — Давно не ел нормальной еды.

— А что едите обычно? — спросила я, откусывая свой кусок. Вкус уже приелся, но жевать надо — силы восстанавливать.

— В Уэко Мундо? — он усмехнулся, и в свете луны эта усмешка выглядела почти жутко. — То, что можно найти.

Иногда ничего.

— Ничего — это как?

— А вот так. — Он пожал плечами. — Сидишь, ждёшь, когда закончится. Оно всегда заканчивается.

Я не стала уточнять. Что-то мне подсказывало, что его "ничего" длится дольше, чем мои самые жёсткие тренировочные голодовки. И что он говорит не только о еде.

— Некрополь, — позвала я мысленно. — Как думаешь, он вообще человек?

— Шинигами, — поправил занпакто. — Человеком он был очень давно, если вообще был. Сейчас — не пойму. Слишком старый, слишком... пустой.

— Пустой?

— В хорошем смысле. Очищенный. Как старый клинок, с которого сняли всю ржавчину.

— Поэтично.

— Я аристократ, Алиса. Поэтичность у меня в крови.

Я фыркнула вслух. Куренай покосился на меня, но ничего не спросил.

— Расскажите, что в шкатулке? — спросила я, кивнув на его поясной кошель. Тот тихо позвякивал при каждом движении.

— Нет. — Он даже не улыбнулся. — Не потому что не доверяю. Потому что сам не знаю. Откроем в Сейрейтее, при свидетелях. Так безопаснее.

— Бойтесь, что взорвётся?

— Боюсь, что оно привлечёт внимание. — Он поднял голову к небу, к этой огромной равнодушной луне. — Здесь, в Уэко Мундо, за такими вещами следят.

— Кто?

— Хороший вопрос. — Он поднялся, отряхнул штаны от песка. Белая пыль посыпалась вниз, закружилась в воздухе и медленно осела. — Пора. Переход открывается недолго.

Я поднялась, закинула рюкзак на плечи. Ремень больно впился в ключицу — там, где натёр за время пути. Надо будет Кире сказать, чтоб в следующий раз мягкого подложил.

— Некрополь, — позвала я, пока мы шли.

— Слушаю, Алиса.

— У меня ключица болит.

— У вас всё болит после любого задания. Вы как старушка.

— Я не старушка. Я просто... чувствительная.

— Вы нытик, дорогая. Но я вас за это ценю. Нытики живут дольше — они берегут себя.

— Философия от занпакто. — Я усмехнулась. — Не ожидала.

— Я полон сюрпризов.

Мы шли по песку. Куренай впереди, я чуть сзади. Луна светила в спину, отбрасывая длинные тени. Песок под укреплёнными подошвами хрустел — каждый шаг отдавался тихим скрипом.

Где-то вдалеке были пустые. Не близко, но достаточно,

чтобы мурашки пробежали по коже. То ли охотились, то ли перекликались — в этом мире никогда не поймёшь. Звуки здесь были странными: они шли отовсюду и ниоткуда, отражались от барханов, множились, терялись в бесконечности, и никогда не знаешь, настоящий это вой или просто эхо.

— Алиса-сан, — вдруг сказал Куренай, не оборачиваясь.

— М?

— Вы давно стали шинигами?

Я задумалась. Сколько же? Время здесь, в Сейрейтее, текло иначе, чем в моей прошлой жизни.

— Лет пять? — прикинула я. — Или шесть. Я после смерти сразу сюда попала, без всяких проводников. Просто открыла глаза — и уже здесь. Странно, да?

— Странно, — согласился он. — Обычно так не бывает.

— Ну, я вообще по жизни странная. — Я чуть не споткнулась о собственные штаны, но вовремя отдернула штанину рукой. — Падаю часто, везучесть никакая, зато силушка есть.

— Сила у вас есть, — подтвердил он. В его голосе появилась какая-то новая нотка — задумчивость? — И большая. Но вы её не чувствуете?

— Чувствую, — пожала я плечами. — Когда надо — применяю. А так... она просто есть. Как руки или ноги. Вот они есть, я же не думаю о них каждую секунду?

— Интересное сравнение.

— А что? — Я посмотрела на его спину. — У вас разве

не так?

Мужчина помолчал. Шагов пять, десять.

— У меня всё сложнее, — наконец сказал он. — Моя сила... она не моя. Вернее, уже не моя. Я её отдал.

— Отдали? — Я уставилась на него, забыв про штанину.

— Кому?

— Не важно. — Он махнул рукой, не оборачиваясь. — Давно это было. Теперь я просто... наблюдатель.

— Наблюдатель за чем?

— За всем. — Он остановился. — Пришли.

Перед нами, прямо посреди песка, висела знакомая рябь. Воздух дрожал, искажался — точно такой же разрыв, через который я входила в Уэко Мундо. Края переливались всеми цветами сразу, но глаза уже привыкли и не щурились.

— Ну, — сказала я. — С возвращением.

— С возвращением, — эхом отозвался Куренай. Он повернулся ко мне. Впервые за всё время я увидела его лицо в полном свете — луна падала прямо на него, и он не щурился. Глаза у него были тёмные, почти чёрные, но в глубине горели два крошечных огонька. — Спасибо, Алиса-сан. Вы хороший напарник.

— Вы тоже, — ответила я. — Хотя странный.

— Это взаимно.

— Некрополь говорит, что вы старый клинок без ржавчины.

Куренай моргнул. А потом рассмеялся — тихо, но искрен-

не.

— Передайте ему спасибо. Лучший комплимент за последние... не помню сколько.

— Передам.

Мы шагнули в рябь.

Сейрейтей встретил нас утренним солнцем и запахом цветущих сакур.

Я зажмурилась — после вечной ночи Уэко Мундо этот свет казался почти невыносимым. Он проникал сквозь веки, щекотал ресницы, заставлял глаза слезиться. Воздух был тёплым, мягким, пах травой, цветами и ещё чем-то неуловимо домашним.

— Жива? — спросил Некрополь.

— Не знаю, — честно ответила я. — Глаза режет.

— Привыкнете. Вы же шинигами, а не крот.

— А если я крот в душе?

— Тогда вам не в Сейрейтее, а в Уэко Мундо жить. Там темно.

— Спасибо, утешил.

— Я стараюсь.

Я открыла глаза. Мир постепенно обретал чёткость.

Мы стояли на окраине, у тех же ворот, откуда я начинала. Рядом никого — только птицы поют и ветер шелестит листвою. Где-то вдалеке слышались голоса — утренний патруль, наверное.

Куренай уже отошёл на пару шагов, проверял шкатулку. Достал из кошель, повертел в руках, приложил ухо. Шкатулка молчала.

— Цела, — сказал он скорее себе, чем мне.

— А должна была не быть?

— Всякое бывает. — Он убрал её обратно. — Мне пора. Сдать артефакт, отчитаться.

— А мне? — спросила я. — Тоже отчитаться?

— Ичимару-тайчо сам вас найдёт, — усмехнулся он. И в этой усмешке мне почудилось что-то... сочувственное? — Не сомневайтесь.

Я представила улыбающуюся лисью морду и вздохнула.

— Спасибо за компанию, — сказал Куренай. — И вот. — Он протянул мне небольшой камешек. Тот самый, светящийся минерал из убежища. — На память. И чтобы холод вас не брал.

Я взяла. Камень был тёплым, гладким, приятно тянул руку. Внутри него, в самой глубине, пульсировал золотистый свет — как маленькое сердечко.

— Спасибо.

— До встречи, Алиса-сан. — Он развернулся и пошёл в сторону города.

Я смотрела ему вслед. Он шёл не спеша, но быстро отдалялся — странный эффект, будто пространство вокруг него сжималось. Через минуту он скрылся за поворотом.

— Некрополь?

— Слушаю.

— Он странный.

— Очень. — В голосе занпакто проскользнула усмешка.

— Но хороший странный. Таких мало.

— Согласна.

Я спрятала камень в карман формы. Он тут же начал греть бедро через ткань. Поправила рюкзак, который за время пути будто потяжелел в два раза, и пошла в сторону казарм третьего отряда.

Домой.

Казармы встретили меня привычным запахом — смесью бумаги, чая и чего-то съестного из столовой. Коридоры были пусты — то ли все на заданиях, то ли ещё спят после ночных дежурств.

Я дошла до нашей с Кирой комнаты (ну, не совсем нашей — у него своя, но он вечно торчал у меня, потому что "там спокойнее") и толкнула дверь.

Кира сидел за столом.

Перед ним лежала стопка бумаги, рядом стояла чашка с остывшим чаем, а сам он что-то сосредоточенно писал, высунув кончик языка от усердия. Соломенные волосы растрепались, на щеке — чернильное пятно. На лбу — сосредоточенная морщинка.

При моём появлении он подскочил как ужаленный. Чашка опрокинулась, чай потек по столу, Кира замахал руками,

пытаясь его поймать, и в результате только размазал лужицу по бумагам. Чернила поплыли, буквы расплылись.

— Ай! — пискнул он. — Бумаги!

— Кира, — сказала я, глядя на это безобразие. — Ты как?

— Алиса-сан! — выдохнул он, наконец поднимая глаза. Круглые, влажные, полные такой надежды, будто я воскресла из мёртвых. — Живая!

— А ты сомневался? — Я скинула рюкзак на пол — он грохнулся, и из него вывалился запасной носок, который Кира заботливо упаковал. Носок уныло распластался на полу. — Я вообще-то третья офицер, между прочим.

— Ну... — Кира замялся, пытаясь одновременно вытереть стол и не смотреть на меня. Руки у него дрожали. — Ичимару-тайчо сказал, что если вы не вернётесь через сутки, я должен буду написать объяснительную.

— А если б я не вернулась?

— Тогда объяснительную за вас. — Кира вздохнул так, будто на плечи ему только что упала вся тяжесть мира. — Я уже начал. Три страницы.

Я рассмеялась. Усталость вдруг отступила, сменившись тёплым чувством где-то в груди.

— Три страницы? Кира, ты серьёзно?

— А что? — Он обиженно посмотрел на меня. — Я хотел, чтобы всё было по-честному. Написал, какая вы хорошая, как старались, как Ичимару-тайчо вас недооценивает...

— Ты это написал? — Я приподняла бровь. — В объяс-

нительной?

— Ну... — Он покраснел. Уши стали пунцовыми. — Я потом вычеркну. Если надо.

— Кира. — Я подалась вперёд, оперлась локтями на стол. — Ты золото.

— Я лейтенант, — поправил он серьёзно, хотя уши всё ещё горели. — Лейтенанты не бывают золотом. Мы бываем... полезными.

— И скромными, — добавила я.

— Это обязательно. — Он улыбнулся, и улыбка у него вышла почти счастливая. — Чай будете?

— Буду. И есть. И спать. И ещё раз есть. И ещё раз чай.

— Тогда сначала чай и еда, потом спать, — деловито сказал он и убежал на кухню. Из коридора донеслось гроыхание посуды и приглушённое «ай» — кажется, он обо что-то ударился.

Я откинулась на спинку стула. Стул жалобно скрипнул. В кармане грел камень. В голове ворочались мысли. Рюкзак на полу выглядел так, будто его пинал конь, а носок так и лежал, сиротливо съёжившись.

— Некрополь?

— Слушаю.

— Как думаешь, что в той шкатулке?

— Не знаю. — Пауза. — Но то, что за ней охотились, и то, что Куренай её искал именно сейчас... это неспроста.

— Думаешь, что-то начнётся?

— Всегда что-то начинается, Алиса. — В его голосе появилась та самая аристократическая ленность. — Вопрос — когда и с кем.

— С нами?

— С вами, — поправил он. — Я просто ваш верный спутник.

— И зануда.

— И зануда. — Он усмехнулся. — Но вы меня любите.

— Приходится.

— Между прочим, могли бы и повежливее. Я между жизнью и смертью вас таскал по этим тоннелям.

— Ты в голове сидел и комментировал.

— Комментировал — это тоже труд. Интеллектуальный. Между прочим, без моих комментариев вы бы уже трижды в ловушку шагнули.

— Один раз.

— Я веду счёт по-своему.

— Некрополь.

— Что?

— Заткнись и будь милым.

— Я всегда милый. Это вы меня не цените.

Кира принёс чайник, две чашки и тарелку с онигири. Рисовые шарики были ещё тёплыми, завернутыми в норы аккуратно, треугольничками. От них шёл пар и запах свежего риса.

— Кира, — сказала я, глядя на эту красоту. — Ты женить-

ся на мне не хочешь?

Он поперхнулся воздухом. Чашка в его руках дрогнула.

— Алиса-сан!

— Шучу, — успокоила я, принимаясь за онигири. — Но если что — я первая в очереди.

— Я... э... — он покраснел до корней волос. Даже шея покраснела. — Давайте лучше чай пить.

— Давай.

Я взяла один онигири, откусила. Рис был в меру солёным, рыба внутри — нежной. После лепёшек Уэко Мундо это казалось пищей богов.

— Божественно, — простонала я с набитым ртом. — Кира, ты гений.

— Это просто онигири, — смутился он, рассматривая свои руки. — Любой может.

— Не любой. — Я откусила ещё. — Тут душа.

— Душа?

— Ну да. Ты же их с любовью заворачивал?

Кира открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Я... ну... — Он уставился в чашку, будто там были ответы на все вопросы. — Вы есть хотели. Я подумал, что тёплое лучше.

— Вот. — Я ткнула в него пальцем, чуть не уронив онигири. — Любовь. Через заботу.

Некрополь в голове закашлялся.

— Алиса, вы его сейчас добьёте.

— Пусть привыкает, — мысленно отмахнулась я. — Он лейтенант, должен быть стрессоустойчивым.

— Он лейтенант третьего отряда. У него стрессоустойчивость на максимуме просто от того, что он каждый день видит Ичимару.

— Тоже верно.

Я допила чай, взяла второй онигири. И третий, на всякий случай.

— Алиса-сан, — осторожно спросил Кира, когда я дожевала половину третьего. — А как прошло задание?

— Нормально, — ответила я с набитым ртом. Прожевала, проглотила. — Нашли, забрали, убежали.

— От кого?

— От адьюкаса. И от белых крыс. И от ловушек. Всё как обычно.

Кира поперхнулся чаем. Чай брызнул во все стороны, Кира закашлялся, замахал руками, чашка снова опрокинулась, но на этот раз он успел её поймать.

— От кого?!

— От адьюкаса, — повторила я спокойно, жуя. — Большой такой, с длинным носом. Орал громко. Мы его отвлекли, Куренай снял ловушку, я ему по морде дала, и мы убежали.

— По морде?! Адьюкасу?!

— Ну не в прямом смысле. — Я задумалась, дожёвывая. — Хотя в прямом тоже. Косой. Врезала пару раз, чтобы вни-

мание переключить.

Кира закрыл лицо руками. Плечи его мелко тряслись.

— Вы меня когда-нибудь до инфаркта доведёте.

— Не доведём, — пообещала я. — Ты крепкий. Вон, три страницы объяснительной написал — значит, сердце хорошее.

— Это не связано.

— Связано. Бумага тренирует сердечную мышцу. Медики говорят.

— Медики так не говорят.

— Мои медики говорят. — Я доела онигири и потянулась за четвёртым. — А ещё у нас был Куренай.

— Куренай? — Кира поднял голову. Глаза у него были круглые. — Это же тот... который...

— Который что?

— Ну... — Он замялся, подбирая слова. — Про него разное говорят. Что он старый. Очень старый. И что у него особые полномочия.

— Особые — это какие?

— Не знаю. — Кира пожал плечами. — Никто не знает. Он появляется, когда нужно, и исчезает, когда не нужно. Я его пару раз видел в коридорах, но он никогда не говорит. Проходит мимо — и всё.

— Со мной говорил, — сказала я, облизывая пальцы.

— Правда? — Кира уставился на меня с любопытством, забыв про чай. — И о чём?

— О силе. О занпакто. — Я задумалась, вспоминая. — Сказал, что я сильная. И что его сила уже не его.

— Странно, — Кира наморщил лоб. — Как это — не его?

— Не знаю. Он сказал, что отдал.

— Отдал? — Кира выглядел озадаченным. — Кому можно отдать силу?

— Может, занпакто? — предположила я. — Он сказал, что они в ссоре.

— В ссоре с занпакто? — Кира покачал головой. — Я даже не знаю, как это возможно. Занпакто — это же часть тебя. Как можно поссориться с самим собой?

— А ты со своим ссоришься?

— Ну... — он задумался, потеряв переносицу. — Иногда спорим. Но чтобы всерьёз — нет. Это же... это же я.

— Вот. — Я откинулась на стул. — А у него по-другому.

Мы помолчали. Кира долил чай в обе чашки. Пар поднялся к потолку, таял в воздухе.

— Алиса-сан?

— М?

— Вы устали. — Он посмотрел на меня внимательно, как врач на пациента. — Идите спать. Я тут приберу.

— А бумаги?

— Бумаги подождут. — Он улыбнулся. — Они никуда не денутся.

— Мудро. — Я поднялась, чуть не упав, запнувшись о ножку стула. Некрополь в голове вздохнул. — Кира.

— Да?

— Ты хороший.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Спасибо.

— И вытри стол. А то прилипнешь.

Он засмеялся. Тихо, но искренне.

Я подхватила рюкзак, подобрала с пола несчастный носок и пошла в свою комнату. В коридоре было тихо, только где-то в конце этажа работала вентиляция — гудела еле слышно, ровно, убаюкивающе.

— Некрополь?

— Слушаю.

— Он хороший, да?

— Кира? — В голосе занпакто появилось тепло. — Очень. Для третьего отряда такой лейтенант — подарок. Жаль только, что ему приходится работать с этим лисом.

— А ты не любишь Ичимару-тайчо?

— Я его уважаю, — поправил Некрополь. — Это разные вещи. Уважать можно и врага. А любить... любят только своих.

— Я твоя?

— Моя, — просто ответил он. — И я ваш. Навечно. Даже если вы наступите на свой шлейф и расшибитесь насмерть.

— Оптимист.

— Реалист.

Я открыла дверь своей комнаты. Маленькая, уютная, с кроватью у окна. За окном уже вовсю светило солнце, но

шторы были плотными — Кира позаботился.

Я скинула рюкзак в угол, разулась, упала на кровать. Пружины жалобно скрипнули.

— Некрополь?

— Слушаю.

— Спокойной ночи.

— Спокойного утра, Алиса. — В его голосе была улыбка.

— Вы молодец.

— Знаю.

— И не зазнавайтесь.

— Не могу. У меня занпакто — эlegantный аристократ. Зазнайство в крови.

— Это комплимент?

— Принимай как хочешь.

Я закрыла глаза. В кармане грел камень. За стеной тихо гудела вентиляция. Где-то вдалеке, в Уэко Мундо, всё так же висела огромная луна и были пустые.

А здесь, в Сейрейтее, было тепло и безопасно.

— Некрополь?

— Спите.

— Спасибо, что ты есть.

Пауза. Тёплая, как тот камень в кармане.

— И вы спите, — тихо сказал он. — Я постерегу.

Я уснула.

Глава 8. О том, как не надо проходить мимо одиннадцатого отряда

Проснулась я от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

Не просто стучал — долбил, будто пытался пробиться сквозь броню. Деревянная створка жалобно скрипела при каждом ударе, а где-то в косяке предательски затрещало — кажется, ещё пара таких стуков, и петли не выдержат.

— Алиса-сан! — голос Киры был полон такой паники, будто за ним гнались все пустые Уэко Мундо сразу. — Алиса-сан, вы там живы?!

— Уже нет, — пробормотала я в подушку, зарываясь лицом глубже. Та была тёплой, мягкой, пахла домом — идеальное место, чтобы проигнорировать реальность.

— Что?!

— Жива, Кира, жива! — крикнула я, с огромным усилием отрывая голову от подушки. Шея хрустнула, и я поморщилась — вчерашний бой с адьюкасом напоминал о себе каждой мышцей. Еще оказывается травмировала плечо.

За окном щебетали птицы, и где-то вдалеке слышались крики тренирующихся шинигами. Солнце стояло уже высоко — судя по свету, полдень давно миновал.

— Чего тебе?

— Уже полдень! — донеслось из-за двери. Кира явно прижался ухом к щели — его голос звучал приглушённо, но отчётливо. — Ичимару-тайчо спрашивал про вас! Я сказал, что вы отдыхаете после задания, но он так улыбнулся...

Я замерла, так и не донеся ногу до пола.

— Как улыбнулся?

— Ну... — Кира замялся, и я прямо увидела, как он там переминается с ноги на ногу, теребя край формы. — Своей обычной улыбкой. Но когда он так улыбается, я обычно потом пишу объяснительные. Долго. Много. Кровавыми слезами.

— Много — это сколько?

— В прошлый раз четыре страницы. И три раза переписывал, потому что он возвращал и говорил: «Скучно, Кира, добавь драмы».

Я хмыкнула, представив эту картину. Бедный Кира, пишет объяснительную, старается, вставляет драматические обороты, а Гин сидит напротив, читает и улыбается своей жуткой улыбкой.

— Ладно, иду. Спасибо, что разбудил.

— Не за что! — донеслось из коридора, а потом звук убегающих ног и приглушённое «ай» — кажется, он обо что-то споткнулся.

Я откинулась обратно на подушку, позволяя себе ещё секунду небытия.

— Некрополь? — позвала мысленно, глядя в потолок. На нём виднелась маленькая трещинка — интересно, она всегда там была или я просто не замечала?

— Слушаю, — отозвался он. Голос был ровным, с лёгкой утренней хрипотцой — будто он тоже только что проснулся, хотя я знала, что занпакто не спят.

— Как думаешь, что этот лис опять задумал?

— Не знаю, — в голосе занпакто проскользнуло лёгкое веселье. — Но судя по тому, что он улыбался, а Кира уже мысленно прощался с жизнью и писал завещание — вас ждёт что-то незабываемое.

— Оптимистично.

— Я аристократ. Аристократы всегда смотрят на жизнь с оптимизмом. Особенно когда неприятности грозят не им, а их глупым хозяевам, которые вечно влипают в истории.

— Я не глупая. Я просто... устала после вчерашнего.

— Вы третья офицер, которая вчера полезла в Уэко Мундо за шкатулкой, а сегодня собирается на завтрак, где возможно её ждёт капитан с улыбкой, и при этом у неё после вчерашнего боя плечо болит. Я бы назвал это... авантюризмом с отягчающими.

— Дипломатично.

— Я стараюсь. И кстати, как плечо?

Я осторожно повела левым плечом и поморщилась — мышцы отозвались тупой ноющей болью. Вчера, когда адьюкас приложил меня о стену, я думала, что обойдётся. Види-

мо, не обошлось.

— Нормально. Побаливает.

— Заметно. Вы даже спали на правом боку всю ночь. Я считал.

— Ты считал, на каком боку я сплю?

— Аристократы внимательны к деталям.

Я фыркнула и всё-таки поднялась.

Ноги коснулись прохладного деревянного пола. Пальцы поджались — утром всегда холодно, даже в Сейрейтее. Я пошлёпала к умывальнику, стараясь не наступить на разбросанные вещи — вчера, вернувшись, я просто рухнула, даже не разбирая форму.

Вода была ледяной — пришлось пару раз взвизгнуть, умываясь. Зато сон слетел мгновенно, сменившись бодрящим холодом.

Я посмотрела в зеркало. Из отражения на меня смотрела белобрысая лохматая физиономия с заспанными алыми глазами. Волосы торчали в разные стороны, напоминая венник, который долго и упорно пинали, а потом ещё и об стену швырнули.

— Красота, — прокомментировал Некрополь. — Вы сегодня особенно... боевая.

— Это называется «только что встала».

— Я бы сказал «только что пережила ураган и вчерашнюю битву». Но не буду.

Я взяла расчёску и попыталась привести шевелюру в по-

рядок. Зубья застревали в колтунах, я шипела, дёргала головой и в какой-то момент дёрнула слишком резко — боль прострелила плечо, и я выронила расчёску.

— Твою ж...

— Осторожнее, — в голосе Некрополя появилась серьёзность. — Резкие движения противопоказаны. Давайте я подскажу, когда тянуть помягче.

— Ты теперь ещё и парикмахер?

— Я многофункциональный аристократ.

С третьей попытки, слушая мысленные подсказки занпакто («теперь левее, осторожнее, этот узел распутывайте пальцами, а не гребнем»), я кое-как привела голову в порядок.

Заколка, как всегда, норовила съехать набок. Я воткнула её на место, поправила, снова поправила, плюнула и оставила как есть — пусть будет творческий беспорядок.

Форма легла привычно — чёрная ткань, подшитые рукава, удобный пояс для меча. Я проверила, на месте ли ножны, поправила воротник и вышла в коридор, на ходу массируя плечо.

В казармах третьего отряда было тихо. Только где-то в конце этажа переговаривались шинигами — обычный рабочий день. Голоса звучали приглушённо, эхо отражалось от стен.

— Куда пойдём? — спросила я сама себя, останавливаясь на развилке.

— Завтракать, — подсказал Некрополь. — Вы голодны. Я слышу, как у вас в животе урчит. Это похоже на приближение тектонического сдвига.

— Это не урчит, это поёт.

— Ваш желудок поёт оперу. Желательно накормить его до того, как он перейдёт к арии. А то стены рухнут. И потом, вам надо поесть, чтобы плечо быстрее заживало.

— С каких пор еда влияет на заживление?

— С тех пор, как я сказал. Доверьтесь моей мудрости.

Я направилась в столовую.

Столовая третьего отряда была маленькой и уютной. Пахло здесь всегда свежим хлебом, рисом и чем-то сладким — кажется, повар добавлял ваниль в выпечку. Деревянные столы были отполированы до блеска локтями поколений шинигами, а на подоконниках стояли горшки с какой-то зеленью.

Обычно тут сидели Кира, пара знакомых офицеров и иногда — если звёзды сходились не в нашу пользу — Ичимару-тайчо с чашкой чая и с жуткой улыбкой.

Сегодня звёзды сошлись.

Гин сидел за дальним столом, подперев щеку рукой. Серебристые волосы падали на глаза, закрывая половину лица, но вторая половина с прищуренным глазом смотрела прямо на вход. Перед ним стояла чашка с чаем — от неё поднимался тонкий ароматный пар, смешиваясь с запахом выпечки.

Увидел меня — улыбнулся шире. Я физически ощутила,

как Некрополь мысленно закатил глаза.

— А, Алиса-чан, — пропел он. Голос его разнёсся по пустой столовой, отразился от стен и вернулся эхом. — Проснулась? А я уж думал, ты решила проспять до следующего задания. Или до конца света — что наступит раньше.

Я подошла к столу, стараясь не делать резких движений — плечо противно ныло при каждом шаге. Села на лавку — дерево скрипнуло подо мной, и я едва сдержала гримасу, когда пришлось опереться больной рукой.

— Ичимару-тайчо, — кивнула я, беря поднос с завтраком, который кто-то заботливо оставил. На подносе лежала записка почерком Киры: "чтобы не померла с голоду", и маленький нарисованный цветочек. — Доброе утро.

— Уже день, — поправил Гин, помешивая чай. Ложка тихо звенела о стенку чашки, и этот звук в тишине столовой казался почти оглушительным. — Но для тебя, видимо, ещё утро. Как сходила вчера?

— Нормально, — ответила я, начиная есть. Рис был тёплым, в меру рассыпчатым. Рыба — солёной ровно настолько, чтобы хотелось ещё. Я жевала и чувствовала, как жизнь потихоньку налаживается.

— Куренай доволен?

— Спросите у него.

— Уже спросил. — Гин прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство. — Он сказал, что ты молодец. Даже похвалил. Два раза. Я переспросил, не ослы-

шался ли.

Я поперхнулась рисом. Пришлось стучать себя по груди, прокашливаться, и от этого движения плечо снова прострелило болью. Гин смотрел с интересом, как на редкое насекомое, которое делает что-то необычное.

— Он? Похвалил? Два раза?

— Ага. — Гин кивнул, отпивая чай. — Сказал: «Алиса-сан не подвела. Дерется хорошо, соображает быстро, падает смешно». Это он особо отметил. Про падение.

— Падает смешно, — повторила я мрачно, втыкая палочки в рыбу с немного большей силой, чем требовалось.

— Это комплимент, Алиса-чан. Редкий. Знаешь, сколько людей он вообще не замечает? А ты ему запомнилась. Падениями.

— Спасибо, теперь я буду спать ещё лучше. — Я отправила кусок рыбы в рот и прожевала с чувством глубокого удовлетворения. — А что ещё он сказал?

— Ещё он сказал, что у тебя интересный занпакто. — Гин поставил чашку на стол и сложил руки перед собой. — Голос в голове. Общительный, говорит. И вежливый. — Он посмотрел на меня в упор. В его глазах мелькнуло что-то — любопытство? Изучение? — Передавай привет.

— Некрополь, — позвала я мысленно, продолжая жевать. — Ты слышал?

— Слышал, — ответил занпакто. — Передайте этому лису, что я польщён его вниманием. И пусть не улыбается так

широко, а то мухи залетят. У нас в столовой антисанитария начнётся.

Я фыркнула, едва не подавившись во второй раз.

— Алиса-чан смеётся? — Гин склонил голову набок. Серебристая чёлка упала ещё ниже, почти закрыв глаз. — Твой занпакто шутит?

— Что-то вроде.

— Хорошая связь. — Он отставил чашку и поднялся. — Ладно, завтракай. Сегодня отдыхай. Завтра будет новое задание.

— Какое? — Я отложила палочки, чувствуя, как внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Не знаю. — Гин пожал плечами, одёргивая форму. — Ещё не придумал. Но обещаю — будет весело.

— Это слово обычно означает, что кому-то будет больно, — заметила я.

— Точно! — Он улыбнулся своей жуткой улыбкой и направился к выходу. — Но не обязательно тебе. Пока.

И вышел, насвистывая. Серебристые волосы мелькнули в дверях и исчезли.

Я осталась сидеть с подносом и чувством, что меня только что ограбили, но я не поняла, что украли.

— Некрополь?

— Слушаю.

— Он знает? Про нас?

— Многое. — В голосе занпакто была задумчивость. —

Но не всё. Иначе бы не улыбался так... спокойно.

— А как бы он улыбался?

— По-другому. Без чая в руке. С мечом. И без этой дурацкой беззаботности.

— Жутковатая картина.

— Реалистичная. Ешьте, Алиса. Рис стынет. И плечо болит — надо силы восстанавливать.

Я доела, стараясь не думать о завтрашнем задании.

После завтрака я решила прогуляться.

Сейрейтей был прекрасен в это время дня. Солнце светило, но не жарило — лучи пробивались сквозь листву, ложились на камни золотистыми пятнами. Ветерок шевелил волосы, приносил запахи цветов и свежеиспечённого хлеба из пекарен.

Я шла не спеша, прислушиваясь к своему телу. Плечо ныло, но терпимо — если не делать резких движений, можно жить. Ноги гудели после вчерашнего, но это была приятная усталость.

Где-то вдалеке тренировались шинигами — слышались крики, лязг мечей и периодические взрывы. Видимо, двенадцатый отряд опять что-то взорвал. Над их казармами поднимался лёгкий дымок, и ветер доносил запах гари.

— Куда пойдём? — спросила я, останавливаясь на перекрёстке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.